Potresov, A. N.

А. Н. ПОТРЕСОВЪ
(СТАРОВѢРЪ)

ЭТЮДЫ О РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

АРТЕЛЬНАЯ ЭПОПЕЯ
О „НАСЛѢДСТВѢ" И „НАСЛѢДНИКАХЪ"
О РАЗНОЧИНЦѢ-СКИТАЛЬЦѢ
ЧТО СЛУЧИЛОСЬ
СОВРЕМЕННАЯ ВЕСТАЛКА
О ДВУЛИКОЙ ДЕМОКРАТІИ
НАШИ ЗЛОКЛЮЧЕНІЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО О. Н. ПОПОВОЙ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ, 54

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?

Мнѣ часто вспоминаются теперь слова Желябова на процессѣ 1-го марта: „въ нашей дѣятельности была юность, розовая, мечтательная, и, если она прошла, то не мы тому виной"...

Вчитываясь въ русскую литературу послѣдняго времени, прислушиваясь къ отзвукамъ нашей, слабо пульсирующей, жизни, я невольно и не разъ уже спрашивалъ себя: неужели прошла и наша юность, юность того теченія, которое такъ недавно и такъ громко выступало на общественной и литературной сценахъ, полное „розовыхъ" надеждъ, глубоко вѣрящее „въ близость блаженства, въ побѣду желаннаго свѣта?" Всего нѣсколько лѣтъ отдѣляетъ насъ отъ начала нашего „хожденія въ народъ"; всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ на литературно-общественномъ горизонтѣ стали вырисовываться фигуры русскихъ марксистовъ. Онѣ вызвали тогда ожесточенныя нападки, съ одной стороны, горячую защиту—съ другой, но, во всякомъ случаѣ, и друзьями, и недругами открыто признавалось, что въ атмосферѣ общественной дряблости, унынія и порождаемаго ими холопства появились новые элементы, имѣющіе свой „символъ вѣры" и страстно отстаивающіе его. Непривычно свѣжая струя ворвалась въ спертый воздухъ нашей приниженной журналистики, громкій голосъ критики зазвучалъ, какъ рѣзкій диссонансъ, въ литературѣ шопотовъ, тамъ, гдѣ вмѣсто „рабьи"-иносказательнаго, но полнаго протестующаго лиризма языка великаго сатирика, слышался лишь жалкій лепетъ его былыхъ сотрудниковъ, по странному недоразумѣнію воображавшихъ себя блюстителями завѣтовъ прошлаго. Всего нѣсколько лѣтъ!.. и сколько перемѣнъ! и какія удивительныя перемѣны! Что-то подтачиваетъ вѣру, что-то умѣряетъ порывъ. Наше движеніе—нашъ

храмъ! Мы всѣ, по мѣрѣ нашихъ силъ, трудились надъ его созиданіемъ и никому не отдадимъ его безъ боя! И въ этомъ храмѣ завелась какая-то зловѣщая трещина, какіе-то чужіе люди расположились въ немъ, какъ у себя дома, и передѣлываютъ его на свой ладъ, подъ стать своему обиходу.

Что это такое? Отчего мы опять стоимъ на распутьи, колеблющіеся, нерѣшительные, между тѣмъ, какъ еще такъ недавно... дорога была ясна, наша поступь тверда и свободна отъ сомнѣній наша мысль? Отчего, скажите, поблекли страницы нашей марксистской литературы и мы присутствуемъ при странномъ зрѣлищѣ: марксизмъ—эта вольнолюбивая республика слова—сталъ достояніемъ какихъ-то мандариновъ науки, и прекрасная, гибкая русская рѣчь превращена въ своего рода „волапюкъ", на изумленіе „непросвѣщенной черни"? Отчего въ практикѣ нашего движенія хаосъ растетъ съ каждымъ днемъ, а боги нашего олимпа, безстрастно взирая на суету людскую, продолжаютъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, играть въ свои „олимпійскія" игры и, галантно похваливая другъ друга, распредѣлять между собою призы—въ этомъ царствѣ тѣней и абстракцій? Отчего въ то самое время, пока боги шалятъ на олимпѣ, предаваясь веселому спорту, все чаще и чаще всплываютъ на поверхность нашего общественнаго теченія вновь испеченные Тяпкины-Ляпкины, которые ждутъ—не дождутся новаго Гоголя, чтобы войти въ храмъ безсмертія?

Отчего нынѣ признакомъ хорошаго тона считается дать пинка Карлу Марксу или, по меньшей мѣрѣ, снисходительно потрепать покойника по плечу: неглупый, молъ, человѣкъ былъ для своего времени, и, наоборотъ, непристойно отлучить отъ своей церкви Эдуарда Бернштейна?

Отчего, какъ разъ въ наши дни, когда широкая волна „алчущихъ и жаждущихъ правды" „интеллигентовъ" устремилась въ рабочую массу, мы услышали карканье какихъ-то, вѣроятно, „бѣлыхъ" воронъ, самоувѣренно изрекшихъ хулу всему вороньему роду интеллигенціи? Отчего слово „революціонеръ" стало чуть не браннымъ словомъ въ устахъ нашихъ молодыхъ дѣятелей „реалистовъ", а постепеновщина—лозунгомъ ихъ дѣятельности?

Отчего на родимой нашей почвѣ скептицизмъ пресловутаго „реформатора" преуспѣлъ, какъ нигдѣ, и отчего въ то же время

на Руси такъ много замаскированныхъ и такъ мало явныхъ сторонниковъ этого ученія, точно бернштейніанство—секретная болѣзнь, въ обладаніи которой не принято признаваться громко и откровенно?

Отчего? отчего? много такихъ и подобныхъ имъ вопросовъ накопилось за послѣднее время у всякаго вдумчиваго наблюдателя русской общественной жизни,—жгучихъ, мучительныхъ вопросовъ! Не подлежитъ сомнѣнію—мы переживаемъ моментъ серьезнаго кризиса. Вскрыть его причины, понять его сущность—настоятельная задача публициста.

Въ настоящей статьѣ своей я дѣлаю посильную попытку разобраться въ сложномъ переплетѣ явленій, породившихъ на свѣтъ этотъ кризисъ, и понять разнообразныя диковины новѣйшаго времени, какъ различныя стороны одного и того же процесса. Итакъ, къ дѣлу!

Русскій марксизмъ, какъ идейная струйка, ведетъ свое происхожденіе отъ начала 80-хъ годовъ, отъ замѣчательной дѣятельности Группы Освобожденія Труда, отъ блестящихъ памфлетовъ Плеханова. Русскій марксизмъ, какъ широкое общественное теченіе, родился лишь въ половинѣ 90-хъ годовъ, когда невоспріимчивая дотолѣ почва русской дѣйствительности принесла вдругъ обильную жатву: какъ искра воспламеняетъ порохъ, такъ два-три печатныхъ произведенія зажгли по всему лицу земли русской горячіе, страстные споры и овладѣли умами.

И что примѣчательно: давно уже высказанныя положенія, теперь повторенныя, прозвучали, какъ откровеніе свыше, а ненавистные ранѣе марксисты стали вскорѣ героями дня. Это крупнѣйшее явленіе русской общественной жизни не нашло себѣ до сихъ поръ достодолжной оцѣнки, какъ и вообще не нашло себѣ все то, что входитъ въ сферу нашего самопознанія. Русская увлекающаяся марксизмомъ публика и понынѣ не отдала себѣ отчета въ томъ, что же такое русскій марксизмъ, какъ явленіе нашей общественной жизни,—гдѣ его корни, кто его носитель?

Что знаменуетъ собою марксизмъ западно-европейскій, это скажетъ вамъ всякій: марксизмъ—идеологія сознательной части пролетаріата, отраженіе его эмансипаціонной борьбы. Ну, а нашъ

отечественный марксизмъ кого и что собой представляетъ? Самый смѣлый оптимистъ не рѣшится сказать, не насилуя фактовъ, что къ русскому марксизму примѣнима обще-европейская характеристика. Нѣтъ, русское рабочее движеніе дѣлаетъ лишь первые и самые трудные шаги, чтобы сбросить съ себя иго стихійности и встать на сознательный путь. Русскіе соціалдемократы на опытѣ могли убѣдиться, какъ сложенъ процессъ пробужденія къ жизни новаго общественнаго класса и какъ много еще нужно работы, чтобы создалась сколько-нибудь замѣтная и вліятельная интеллигенція этого класса.

Худо ли это, хорошо ли, но пора признать неоспоримое свидѣтельство послѣдняго пятилѣтія русской жизни: марксизмъ въ Россіи до сихъ поръ былъ общественнымъ теченіемъ въ опредѣленной части русской интеллигенціи, такимъ же ея кровнымъ дѣтищемъ, какъ и знаменитое движеніе 70-хъ годовъ.

Я знаю, весьма многихъ русскихъ марксистовъ покоробитъ это рѣзко выраженное положеніе—оно звучитъ какъ будто еретически, въ немъ можетъ почудиться какая-то уступка тѣмъ общественнымъ взглядамъ, на борьбѣ съ которыми выросло и окрѣпло молодое движеніе. Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи я постараюсь убѣдить читателя, что это совершенно невѣрно, что именно, только прилагая матеріалистическую точку зрѣнія къ исторіи развитія нашей, такъ называемой, „радикальной“ интеллигенціи и уразумѣвъ ея психологію, какъ производную ея общественнаго положенія, мы въ состояніи будемъ понять и происхожденіе русскаго марксизма, и пережитыя имъ метаморфозы, и тяготѣющій надъ нимъ въ настоящее время кризисъ.

Что и говорить: „интеллигенція“ не въ авантажѣ обрѣталась до сихъ поръ у русскихъ марксистовъ—о ней либо совсѣмъ не говорили, либо, когда подвертывалась она, бѣдная, подъ тяжелую руку критиковъ, учиняли ей, ничто же сумняшася и памятуя Помяловскаго, „вселенскую смазь“...

Какъ извѣстно, первой ласточкой наступавшей марксистской весны была книга Петра Струве—„Критическія Замѣтки“. Интересное знаменіе своего времени. О чемъ же щебетала эта ласточка?—А щебетала она, между прочимъ, о томъ, что русская „без-

сословная интеллигенція" не есть „реальная общественная сила", что „интеллигенція, en masse, не есть нѣчто существующее отдѣльно отъ экономически господствующихъ классовъ", а „кучка идеалистовъ", при всей своей „интеллектуальной мощи", при всемъ своемъ „этическомъ значеніи" (увы! плохое утѣшеніе для этихъ „идеалистовъ"!) есть въ соціологическомъ отношеніи quantite negligeable. Приговоръ кончался словами—„давно пора это громко признать".

Не входя въ настоящую минуту въ разборъ этого нѣсколько двусмысленнаго положенія, не пытаясь проникнуть въ мысль автора, признавшаго одновременно и „интеллектуальную мощь", и „соціологическое" ничтожество „безсословной интеллигенціи", я обращу вниманіе читателя лишь на одно обстоятельство. Авторъ „Критическихъ Замѣтокъ", говоря о „безсословной", другими словами, „радикальной" нашей интеллигенціи, предвосхитилъ свой выводъ, поставивъ знакъ равенства между ней и „кучкой" идеалистовъ. Конечно, „кучка идеалистовъ" — „птичка невеличка", и говорить о ней много не приходится. Но дѣло, вѣдь, въ томъ: требуется еще доказать, что наша „безсословная" интеллигенція 60-хъ и особенно 70-хъ годовъ была ничѣмъ инымъ, какъ такого рода „кучкою", что, напр., массовое „хожденіе въ народъ", въ короткій срокъ какихъ-нибудь двухъ-трехъ лѣтъ, не смотря на безпримѣрную суровость преслѣдованія, охватившее, по словамъ офиціальнаго документа (записки графа Палена), районъ въ 37 губерній и до 1.000 зарегистрированныхъ лицъ возможно суверереннымъ мановеніемъ руки смахнуть съ вѣсовъ исторіи, какъ нѣчто невѣсомое.

Глубокому броженію цѣлыхъ десятилѣтій, оставившему неизгладимый слѣдъ на всей русской литературѣ и нестираемую печать на психологіи значительныхъ пластовъ нашей современной общественной формаціи, передъ верховнымъ судомъ исторіи нельзя вынести приговоръ—величина соціологически ничтожная. Люди 70-хъ годовъ погибли, дуэль между „безсословной интеллигенціей" и русскимъ правительствомъ окончилась не въ пользу интеллигенціи и не могла въ ея пользу окончиться. И что же? Оказалось—вся русская общественная жизнь 80-хъ и вплоть до половины 90-хъ годовъ находится подъ зна-

комъ этого пораженія. Побѣжденный общественный слой—эта бацилла русскаго освобожденія—временно сошелъ со сцены, и... сцена стала представлять собою мерзость запустѣнія...

Авторъ „Критическихъ Замѣтокъ“ погрѣшилъ передъ русской интеллигенціей, пренебрежительно обозвавъ ее „кучкой идеалистовъ“. Но—думается мнѣ—изъ всѣхъ многочисленныхъ грѣховъ на душѣ этого писателя это грѣхъ наиболѣе легковѣсный, потому что—не индивидуальный. Онъ грѣшенъ имъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ поколѣніемъ, свои первыя впечатлѣнія сознательнаго бытія, получившимъ въ эпоху—если позволено будетъ такъ выразиться—междувременья, въ глубокую ночь свирѣпѣющей реакціи, когда послѣдніе лучи заходящей русской революціи, оставивъ въ сознаніи удрученнаго зрителя лишь кровавый отблескъ разгрома, померкли, казалось, навсегда и на вѣкъ похоронили съ собою мятущійся духъ русскаго революціонера—разночинца. Утро представлялось безконечно далекимъ, и шевелилась скептическая мысль: да будетъ ли когда-либо это утро?

Передъ взоромъ человѣка, вступавшаго въ жизнь съ тяжкимъ бременемъ вольнолюбивыхъ мечтаній, голой степью разстилалась дѣйствительность, сѣрая, нѣмая, безлюдная. Русская литература съ опустошенною душой и съ внѣшностью молодящейся старухи, шепелявыми устами бормотала слова, когда-то—дорогія, красивыя. Жизнь... кишѣла ренегатами, людьми „безъ догмата“, чистенькими, аккуратными джентльменами, промѣнявшими на благополучіе домашняго очага и прелести канцеляріи—идеалы далекой юности. Впрочемъ, и „юность“ была какая-то странная, и университетскія аудиторіи, видавшія когда-то нашествіе неуклюжаго и лохматаго „разночинца“, стали теперь мѣстопребываніемъ зубрящихъ школьниковъ, безпутныхъ шалопаевъ и ловкихъ карьеристовъ. Проницательный взглядъ умиравшаго Салтыкова и неутомимое перо быстрокрылаго Боборыкина успѣли вскорѣ отмѣтить это новое явленіе, какъ типичный признакъ времени. Куда же исчезъ былой революціонеръ и придетъ ли кто ему на смѣну? Настанетъ ли опять когда-нибудь весна возрожденія для нашей „радикальной“ ителлигенціи, или же, совершивъ въ предѣлахъ земныхъ все земное, она на вѣкъ опочила отъ неравной борьбы?

И „кучка идеалистовъ“—потому что въ то время это была дѣйствительно только „кучка“—трепетно искала отвѣта повсюду и взоръ ея падалъ на Западъ... А тамъ развертывался грандіозный историческій процессъ, міровая борьба труда съ капиталомъ. Тамъ армія пролетаріата неудержимо росла со дня на день, и мѣрнымъ, увѣреннымъ шагомъ двигались ея баталіоны. Но гдѣ же интеллигенція? интеллигенція, сражающаяся за народъ и умирающая во имя идеи?—Она стала легендой былого. Съ напряженнымъ вниманіемъ—помнится мнѣ—читали мы всѣ ту книжку „Соціалдемократа“, гдѣ Вѣра Засуличъ толковала о послѣднихъ дняхъ французской и нѣмецкой интеллигенціи стараго типа и объ окончательномъ исчезновеніи ея съ арены европейской исторіи [1]).

Сама жизнь, казалось, нашептывала этой „кучкѣ идеалистовъ“: довольно „интеллигентнаго самомнѣнія“, звучащаго насмѣшкой надъ дѣйствительностью—въ средѣ эпигоновъ; довольно безплодной возни съ кружками подрастающей юности; довольно словъ, за которыми не слѣдуетъ дѣла и либерально-народовольческихъ программъ, никогда не осуществляемыхъ! Ставьте крестъ надъ нынѣшней русской интеллигенціей, этой разновидностью современнаго „буржуазнаго“ общества, и идите, кто можетъ, туда, гдѣ чуются новыя силы и близится нашъ избавитель!

Понятно, что вниманіе малочисленныхъ еще „идеалистовъ“ было цѣликомъ поглощено одной свѣтящейся точкой—пробуждающимся пролетаріатомъ. И шли эти „идеалисты“ на манящій огонь, не осматриваясь по сторонамъ, упорно глядя въ эту гипнотизирующую точку. Нѣсколько упрощенный взглядъ на жизнь—огульное отрицаніе или чаще игнорированіе интеллигенціи—въ эпоху пролога движенія былъ только на пользу: тѣмъ сильнѣе былъ порывъ, тѣмъ дружнѣе работа, тѣмъ меньше „интеллигентныхъ“ соблазновъ, тѣмъ быстрѣе прокладывалось русло для того потока, который вскорѣ и такъ нежданно запѣнился и забурлилъ. А для ядовитыхъ цвѣтовъ современнаго намъ „экономизма“ еще не было подходящей почвы—ихъ расцвѣтъ

---

[1]) См. статью В. И. Засуличъ: „Революціонеры изъ буржуазной среды“.

возможенъ былъ только при особыхъ условіяхъ, тогда несложившихся... Но прежде чѣмъ двигаться дальше, надлежитъ подойти къ знаменитому сфинксу русской жизни—къ интеллигенціи. Кто же она, эта всѣмъ извѣстная незнакомка, изъ-за которой наши „рыцари духа“ такъ давно ломаютъ свои копья?

Сорокъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ, на зарѣ реформаціонныхъ увлеченій всколыхнулась провинціальная Русь, забродило въ глухихъ городкахъ, въ убогихъ домишкахъ сельскаго причта, въ тѣсной квартиркѣ мелкаго чиновника. Молодое поколѣніе всякаго разночиннаго люда не захотѣло больше жить, какъ дѣды и отцы живали въ старину, и потянулось къ свѣту, на вольный, широкій просторъ, въ громады большихъ городовъ. Много горя оставляло оно дома: невыплаканныхъ слезъ, непонятыхъ обидъ и, порывая съ родимой семьей, шло навстрѣчу житейскимъ невзгодамъ, страстно желая учиться и помочь родному народу. Труденъ былъ путь, и жизнь не дарила участіемъ: сколько юношей, подобныхъ Левитову, этому первому бытописателю городской бѣдноты, пробиралось пѣшкомъ отъ насиженныхъ гнѣздъ въ столичный невѣдомый міръ съ котомками на плечахъ, съ переполненными мечтаній сердцами и... съ пустыми карманами. Предстояло учиться и думать о томъ, какъ бы съ голоду не помереть...

Въ большихъ городахъ скоплялась особаго рода богема, пестрая, разносоставная, но быстро сближавшаяся другъ съ другомъ. Ея тяжкой борьбѣ за жизнь даже вѣчно смѣющійся Николай Успенскій посвятилъ рядъ горькихъ страницъ. Въ студенческихъ кружкахъ, за товарищеской бесѣдой, подъ несмолкаемый гулъ безконечныхъ споровъ, отливалась новая среда, новый общественный слой. Здѣсь выходецъ изъ соціальныхъ низинъ столкнулся съ культурнымъ баричемъ и, покоряя его своей нравственной силѣ, переработалъ его на свой образецъ. По совершенно вѣрному замѣчанію г. Михайловскаго, въ тѣсной связи съ пришествіемъ разночинца и прибавимъ—какъ результатъ его вліянія, находилось появленіе другого общественнаго

элемента — „кающагося дворянина“ [1]). Мелко- и среднепомѣщичья семья несомнѣнно внесла свою лепту въ движеніе и не мало „дѣтей“ ея обоего пола унесъ этотъ бурный потокъ. Конечно, не всякаго дворянина—„радикала“ можно было бы занести въ категорію „кающихся“. Жизнь—сложное явленіе и не укладывается цѣликомъ въ прокрустово ложе какихъ бы то ни было схемъ, и каждая отдѣльная личность стоитъ на перекресткѣ разнообразныхъ вліяній. Но весьма вѣроятно,—съ своей стороны я не рѣшаю вопроса—что къ распространенію извѣстнаго ученія о неоплатномъ долгѣ народу „кающійся“ интеллигентъ дворянскаго происхожденія „руку свою приложилъ“. А разночинцу, какъ справедливо полагаетъ г. Михайловскій, каяться было не въ чемъ...

Какъ бы то ни было, „кающійся дворянинъ“ въ концѣ концовъ затерялся въ рядахъ „безсословной интеллигенціи“, и разночинецъ, а не кто-либо другой, наложилъ печать своего мощнаго духа на русскій интеллигентный пролетаріатъ. Жизнь додѣлала остальное и выковала своеобразную психологію разночинной интеллигенціи. Невѣдомый дотолѣ психологическій складъ вошелъ въ русскую литературу, новое лицо замелькало на подмосткахъ русской исторической сцены, и съ той самой поры вышеописаннаго пробужденія разночинца ведетъ свое начало упорная, долгая, то замиравшая, то вновь загоравшаяся борьба съ существующимъ строемъ, которая наполнила собой четыре послѣдующихъ десятилѣтія и послѣдняя разновидность которой есть новѣйшее движеніе русской марксистской интеллигенціи.

Что же это за слой и какова его психологія?

Интеллигентный пролетаріатъ или его русская разновидность—разночинная интеллигенція—своеобразная формація, безъ опредѣленныхъ очертаній, незамѣтными переходами въ цѣломъ рядѣ профессій связанная съ буржуазной интеллигенціей. Далеко не всѣ представители интеллигентнаго труда чувствуютъ себя пролетаріями, обдѣленными дѣтьми современной цивилизаціи, и, конечно, въ психологическомъ складѣ моднаго врача, съ одной

---

[1]) См. сочиненія Михайловскаго, изд. 1896 г. Т. II, стр. 647.

стороны, и скромнаго фельдшера—съ другой, найдется немного общихъ связующихъ чертъ.

Интеллигентный пролетаріатъ есть въ то же время слой неустойчивый: значительная часть его членовъ неустанно карабкается вверхъ,—стать поближе къ вершинѣ соціальной пирамиды и подальше отъ ея основанія. Вотъ почему, для того, чтобы могла создаться своеобразная среда разночинной интеллигенціи съ своимъ міромъ идейныхъ интересовъ и рѣзко выраженными идеалами, со всей своей психологіей и даже особенной внѣшностью (вспомните „нигилистическую" внѣшность разночинца 60—70-хъ годовъ), необходима специфическая комбинація опредѣленныхъ общественныхъ условій. Необходимо, чтобы подъ вліяніемъ быстро мѣняющагося склада нашей жизни всякаго рода маленькіе люди ощутили, по выраженію Горькаго, „безпокойство въ своемъ сердцѣ", а молодое поколѣніе ихъ заметалось въ поискахъ свѣта. Необходимо, чтобы въ переходное время, когда старое рушится, а новое еще не настроилось и нѣтъ никакихъ традицій, гимназіи, университеты и другія мѣста скопленія подрастающей молодежи могли стать импровизированными организаціями безпокойнаго демократическаго люда, и ежегодно на рынокъ страны выбрасывалась масса интеллигентнаго человѣческаго матеріала, съ великимъ трудомъ или совсѣмъ не находящаго себѣ приложенія. Необходимо, чтобы общественно-политическая жизнь начинала лишь складываться, а городской и сельскій рабочій человѣкъ безмолвствовалъ, либо, зашевелившись, не успѣлъ еще выдвинуть въ достаточномъ количествѣ своей интеллигенціи. Необходимо, наконецъ, и это немаловажное условіе, чтобы свинцовою тучею висѣло надъ жизнью безправіе самодержавнаго режима, и подъ его зловѣщимъ дыханіемъ росла солидарность представителей интеллигентнаго труда, росла гегемонія ихъ лѣваго, самаго рѣшительнаго фланга.

Но и при наличности вышеназванныхъ условій наиболѣе выразительнымъ представителемъ интеллигентно-пролетарскаго слоя, такъ сказать, носителемъ par excellence его идеалистическихъ стремленій, является учащаяся или недавно покинувшая школьныя скамьи молодежь—„молодое поколѣніе".

„Молодое поколѣніе" подъ перомъ нашихъ либерально-ради-

кальныхъ публицистовъ превратилось въ особаго рода соціальную категорію, вокругъ да около которой очень много похаживаютъ, но которую весьма мало разумѣютъ. А между тѣмъ понятіе „молодое поколѣніе“ неизбѣжно сопутствуетъ понятію „интеллигенція“ и, весьма характерное для него, проливаетъ яркій свѣтъ на нѣкоторыя особенности интеллигентнаго слоя. Скопленіе учащейся молодежи—наиболѣе подходящія, а иногда и единственныя лабораторіи для выработки коллективнаго сознанія разночинной интеллигенціи. Въ нихъ отдѣльная личность интеллигентно-пролетарскаго слоя впервые чувствуетъ себя частью какого-то однороднаго цѣлаго, съ общими стремленіями и сходной психологіей. Дружная среда не даетъ затеряться одинокому, а товарищескія связи ложатся въ основаніе единства поведенія. Неудивительно поэтому, что на разстояніи нѣсколькихъ десятилѣтій разночинно-нигилистическая среда 60-хъ годовъ рисуется намъ въ образѣ молодого Базарова, юныхъ героевъ романа „Что дѣлать“ или той безымянной дѣвушки, которая бросила букетъ къ позорному столбу Чернышевскаго. Неудивительно и то, что героическіе дѣятели 70-хъ годовъ въ огромномъ большинствѣ—молодежь, только что вступавшая въ жизнь и у самаго порога ея пытавшаяся по своему разрѣшить трудную проблему русской жизни. Роль молодежи въ „интеллигентномъ“ движеніи характерный признакъ извѣстной слабости этого движенія, показатель неустойчивости, непрочности психологическаго склада интеллигентнаго пролетарія. Внѣ товарищеской среды, за предѣлами революціонныхъ организацій, въ моменты общественнаго затишья, очень часто слѣдующіе за періодами подъема, разночинная интеллигенція—разсыпанная храмина, съ головой выдающая своего члена „базару житейской суеты“. Интеллигентъ „одиночка“ весьма скоро теряетъ свои краски и на одного разбитаго жизнью инвалида приходятся десятки „поумнѣвшихъ“, успокоившихся „премудрыхъ пискарей“, стыдливо, а то и съ опаской вспоминающихъ „грѣхи“ легкомысленной „молодости“. Неприглядно-суровая дѣйствительность съ трудомъ лишь даетъ развернуться психологическимъ элементамъ интеллигентно-пролетарскаго типа, срѣзая съ этого своеобразнаго растенія всѣ его лучшіе, наиболѣе обѣщающіе побѣги. Къ счастью, европеизирующаяся жизнь выдвинула за

послѣднее время новыя силы и спрыснула увядавшій до времени слой „живой водой" пролетарской стихіи. Растущее рабочее движеніе отразилось въ сознаніи разнообразныхъ общественныхъ группъ и—что особенно важно для насъ—создала точку опоры для разночинной интеллигенціи.

Но это еще не все.

Кто присматривался къ медленно, но все же идущему на прибыль броженію послѣднихъ лѣтъ русской жизни, къ пробуждающейся провинціи и къ той просвѣтительной работѣ, которая въ ней производилась „наперекоръ стихіямъ" полицейскаго государства, конечно, не могъ не замѣтить все болѣе и болѣе пополняющихся рядовъ маленькихъ культурныхъ работниковъ—учителей народныхъ школъ, фельдшеровъ, служащихъ въ земскихъ и иныхъ учрежденіяхъ, тѣхъ пресловутыхъ „третьихъ лицъ", что нарушили покой самарскаго администратора. Все это—пестрая публика, тяжелая на подъемъ, запуганная, политически еще мало развитая, до поры до времени неподатливая. Но начавшееся въ ней броженіе обѣщаетъ болѣе прочный демократизмъ, чѣмъ демократизмъ вчерашняго студента, а сегодняшняго чиновника. Свободные отъ карьерныхъ перспективъ, закрѣпленные на сравнительно низкомъ соціальномъ уровнѣ, всѣ эти интеллигенты и полуинтеллигенты, какъ растеніе къ свѣту, неизбѣжно, въ силу своей психологіи, продиктованной ихъ общественнымъ положеніемъ, потянутся за освободительнымъ движеніемъ пролетарскихъ массъ, только бы на знамени этого движенія явственно для всѣхъ и безъ экивоковъ стоялъ вдохновляющій лозунгъ, достойный міровогo историческаго процесса. Русской соціалдемократіи слѣдуетъ имѣть въ виду, что новая разновидность разночинной интеллигенціи немалое пріобрѣтеніе нашего времени. Надо сумѣть воспользоваться этимъ пріобрѣтеніемъ, надо сумѣть связать разбросанныхъ по градамъ и весямъ земли русской невѣдомыхъ и невидныхъ „интеллигентовъ", эту въ истинномъ смыслѣ слова „безымянную Русь",—съ общепролетарскимъ движеніемъ...

Однако... я забѣжалъ впередъ.

Какъ бы то ни было, при всѣхъ своихъ „грѣховныхъ" особенностяхъ „разночинная интеллигенція" сказала свое слово въ русской исторіи, и звенитъ оно среди сумеречной обстановки

обывательскаго существованія вотъ уже пятый десятокъ лѣтъ—призывнымъ будящимъ звономъ. Къ этому слову прислушиваются—одни съ ненавистью, другіе—съ любовью, но никто—равнодушно. Жизнь сообщила ему остроту и напоила его ядомъ. Оно жжетъ и мучитъ сердца, и манитъ къ себѣ, какъ пѣснь Лорелеи.

А между тѣмъ, это—простое, несложное „слово"! Оно просто, какъ просты вообще основные мотивы классовой или групповой психологіи; два—три взаимно-комбинирующихся элемента создаютъ ту психологическую канву, по которой различныя идеологіи вышиваютъ свои прихотливые узоры. Какой узоръ вышьется,—опредѣлится въ каждомъ данномъ случаѣ сложнымъ переплетомъ разнородныхъ общественныхъ вліяній. Извѣстная группа идей можетъ быть занесена изъ другой страны, заимствована у другого общественнаго класса. Но сколько бы ни было извилинъ на томъ пути, которому слѣдуетъ „идеологія", пока не осядетъ, наконецъ, въ данномъ общественномъ слоѣ, разъ осѣвъ, она начинаетъ процессъ своего приспособленія къ психологіи этого слоя. Можно выставить, какъ общее положеніе, что слой или классъ, воспринявшій ученіе, которое сформировалось внѣ сферы его вліянія, непремѣнно преобразуетъ его по своему образу и подобію. То, что зовется обыкновенно общественнымъ характеромъ ученія, его цвѣтъ, окраска дается именно психологическимъ содержаніемъ его общественнаго носителя. Только нащупавъ психологическую основу идейнаго „повѣтрія", возможно оцѣнить его смыслъ и значеніе...

Если оглянуться на истекшіе сорокъ лѣтъ въ жизни русской интеллигенціи, то представится, на первый взглядъ, только пестрый калейдоскопъ разнообразнѣйшихъ идейныхъ воздѣйствій. И, быть можетъ, сорвется съ языка что-то вродѣ упрека, а въ памяти всплыветъ образъ некрасовскаго „современнаго героя", которому... „что книга послѣдняя скажетъ, то... на душу сверху и ляжетъ". Такъ, нѣчто подобное должны были за послѣдніе годы чувствовать многіе и притомъ самые искренніе могикане стараго народничества, видя, какъ падаютъ съ шумомъ и трескомъ, при первомъ же натискѣ новомодныхъ идей, старые боги русской интеллигенціи. La donna e mobile! Интеллигенція перемѣнчива въ своихъ при-

вязанностяхъ и готова сегодня сдавать въ архивъ забвенія то, что еще вчера вѣнчала цвѣтами...

Но... я надѣюсь показать, что подобнаго рода упреки справедливы лишь въ очень условномъ смыслѣ или даже совсѣмъ несправедливы: въ нашемъ идейномъ калейдоскопѣ есть своего рода закономѣрность, есть то, что можно бы назвать центральной идеей, эта „идея" дана разночинно-интеллигентской психологіей.

Читатель знаетъ, конечно, слова поэта—„то сердце не научится любить, которое устало ненавидѣть".

Можно сказать—разночинецъ принесъ въ міръ нашихъ общественныхъ отношеній свое сердце, исполненное страстной, чисто пролетарской ненависти, и пронесъ эту ненависть, какъ свѣточъ, черезъ цѣлыя десятилѣтія упорной борьбы, поражавшей весь міръ своимъ героизмомъ. Что ненавидѣлъ онъ?

Онъ ненавидѣлъ ту атмосферу, гдѣ человѣку нельзя сознавать себя человѣкомъ, а только вѣрноподданнымъ, гдѣ каждое свободное слово конфискуется, какъ контрабанда, а обладатель его получаетъ почетное въ нашемъ отечествѣ званіе государственнаго преступника.

Онъ былъ съ головы до пятъ демократъ, и свой демократическій духъ протеста влилъ въ русскую литературу, внесъ въ русскую жизнь. Чернышевскій и Добролюбовъ въ эпоху реформъ уже не были одиноки, какъ былъ одинокъ ихъ геніальный предшественникъ, предтеча разночинно-интеллигентскаго движенія, „неистовый Виссаріонъ"—Бѣлинскій. У нихъ была своя обширная аудиторія: „нигилистъ"-шестидесятникъ чутко прислушивался къ слову, раздававшемуся со страницъ „Современника", къ тому „свисту", который такъ непріятно поражалъ умѣренныхъ людей всѣхъ видовъ и оттѣнковъ. Разночинецъ создалъ бодрую, смѣлую литературу, энергично отстаивающую свое право на существованіе, и, конечно, не думалъ, не гадалъ, что настанутъ времена, когда недостойные преемники великихъ отцовъ, цѣпляясь за истерзанное знамя былого, станутъ волочить его въ грязи компромиссовъ, а вмѣсто удалого посвиста затянутъ не то Лазаря, не то пѣсню Еремушки.

Онъ зналъ, что ему дѣлать, когда все возрастающій гнетъ

сковалъ по рукамъ и по ногамъ нашу легальную литературу, и цензурный шлагбаумъ отрѣзалъ его идеи отъ свѣта публичности. Онъ скрылся въ рѣшительный моментъ въ непривѣтливомъ люкѣ „подполья“ и унесъ въ свое подпольное царство добрую долю того энтузіазма, которымъ когда-то зажигала своихъ слушателей литературная проповѣдь „Современника“. Русская подъяремная журналистика понесла тогда свой первый жестокій уронъ....

Разночинецъ былъ послѣдовательнымъ демократомъ не только въ литературѣ, но и въ жизни. Говорятъ—„одинъ въ полѣ не воинъ“. Разночинецъ зналъ эту народную мудрость, но волею судебъ и по прихоти русской исторіи сталъ лицомъ къ лицу съ самодержавнымъ строемъ безъ союзниковъ, и голосъ его возвышался одиноко среди общаго безмолвія. Неудивительно, что съ первыхъ же шаговъ его историческаго существованія ведетъ свое начало та потрясающая драма, кульминаціонный пунктъ которой пережила Россія двадцать лѣтъ тому назадъ, а развязка еще завѣшена пологомъ будущаго...

Но разночинецъ принесъ въ нашу общественную жизнь не только демократическій духъ свой, а и свой революціонный инстинктъ.

Онъ пришелъ не какъ желанный гость, готовый сѣсть за одинъ столъ съ хозяиномъ, а какъ чуждый пришелецъ во вражій станъ, который надо разрушить. Разрушить, дабы исполнить! Die Lust der Zerstörung ist Zugleich eine schaffende Lust—писалъ когда-то Бакунинъ. Разночинецъ отвергалъ старый міръ съ его вѣковѣчной неправдой, міръ слугъ и господъ, міръ, покупающій трудъ человѣка и продажный до мозга костей. Отвергалъ... и изъ отрицанія выростало утвержденіе, на обломкахъ настоящаго созидалась церковь будущаго, виднѣлась обѣтованная земля, грезилось осуществленіе всемірнаго счастья!

Что за утопіи,—скажетъ иной здравомыслящій юноша изъ породы современныхъ „реалистовъ“. У насъ вообще вошло теперь въ моду смотрѣть съ высоты своего „научнаго“ величія на дѣятельность прошлаго, вести историческое лѣтосчисленіе съ появленія на свѣтъ первой марксистской легальной книжки и обнаружи-

вать... поразительное невѣжество во всемъ, что касается нашихъ предшественниковъ.

Конечно, разночинецъ временъ „бури и натиска“ былъ утопистъ и во многомъ ошибался. Онъ отстаивалъ негодныя теоріи и плохо разбирался въ окружающей его дѣйствительности. Конечно, любой современный школьникъ, прочитавшій пару книгъ, можетъ смѣло тыкать пальцемъ на „промахи незрѣлой мысли“ и очевидныя „увлеченія“ семидесятника. И все же... школьникъ останется школьникомъ, а старый разночинецъ—недосягаемымъ образцомъ, до котораго, какъ до звѣзды небесной, далеко ученымъ мудрецамъ нашего времени.

У стараго разночинца былъ надежный соціальный компасъ, выводившій его на путь-дорогу изъ непролазной чащи теоретическихъ блужданій. Онъ могъ быть неисправимымъ утопистомъ и съ безплодной вѣрой взирать на среду, надъ которой витало лишь одно тупое оскудѣніе. Но непосредственное революціонное чувство не дозволяло ему рядиться въ костюмъ маркизы Позы, даже сшитый по послѣдней модѣ, и ждать отъ современныхъ ему „данайцевъ“ чего-либо, кромѣ посахареннаго яда. Оно не давало ему „сводить счетовъ безъ хозяина“, и участвовать въ постройкѣ соціальнаго зданія, разъ завѣдомо было извѣстно, что планъ строительства находится во вражьихъ рукахъ. Враждебно чуждый самимъ основамъ существующаго общежитія, онъ былъ въ массѣ случаевъ безконечно большій реалистъ, чѣмъ многіе и многіе изъ такъ называемыхъ практиковъ. Его литературная лира не издавала фальшивыхъ звуковъ, и читателямъ единомышленникамъ не приходилось краснѣть за неожиданныя какофоніи писателя - друга. Онъ чувствовалъ себя солидарнымъ съ массами и на нихъ покоились его мечты и желанія. А достопочтенное русское „общество“, столь излюбленное нашими эпигонами, не служило предметомъ его воздыханій: онъ помнилъ завѣты апокалипсиса и не терпѣлъ тепловатыхъ людей, эту специфическую плѣсень отсталыхъ общественныхъ формацій...

Разночинецъ былъ революціонеръ—сказалъ я, но долженъ при этомъ оговориться. Слово „революціонеръ“ захватано руками полицейскихъ толковниковъ, и съ ихъ благосклоннаго почина весьма часто употребляется въ особомъ смыслѣ „вспышкопуска-

тельства". Между тѣмъ, это совершенно невѣрно: мирные пропагандисты 1873 года такіе же революціонеры, какъ и народовольцы конца того же десятилѣтія. Они шли въ народъ съ евангеліемъ отрицанія и смотрѣли на общественную дѣятельность подъ угломъ „соціальной революціи", другими словами — подъ угломъ „конечной цѣли". Въ этомъ и только въ этомъ заключается достаточное основаніе для произведенія въ чинъ революціоннаго гражданства.

Итакъ: разночинная интеллигенція — демократична, разночинная интеллигенція—революціонна. Въ комбинаціи этихъ двухъ чертъ—залогъ возможнаго сближенія интеллигенціи съ пробуждающимися пролетарскими массами. Но для того, чтобы понять всю ту смѣну идей, которую пережила наша интеллигенція, надо принять во вниманіе еще одинъ элементъ ея психологіи, быть можетъ наиболѣе характерный для этого общественнаго слоя.

Появившись на исторической сценѣ, разночинецъ весьма скоро почувствовалъ коренное противорѣчіе своего общественнаго существованія: его непосредственное чувство диктовало ему грандіозные планы соціальнаго переустройства, и то же чувство говорило, что онъ — палецъ отъ ноги общественнаго организма. Сознаніе несоотвѣтствія силъ громадности подлежащей работы не покидало разночинца во всѣ перипетіи его недолгой, но богатой событіями исторіи.

Что же дѣлать? какъ быть съ этимъ страшнымъ сознаніемъ, чѣмъ заполнить ту пропасть, которая отдѣляетъ міръ безбрежныхъ мечтаній отъ міра куцой дѣйствительности?

Разночинцу во что бы то ни стало нуженъ былъ выходъ изъ этого психологическаго тупика, и онъ нашелъ его въ своемъ культѣ народныхъ массъ. Народныя массы—вотъ палладіумъ революціонера, вотъ тотъ могучій Атласъ, который подыметъ на свои плечи непомѣрное бремя задачи... Съ первыхъ же шаговъ своей общественно-литературной карьеры разночинецъ начинаетъ конструировать „прирожденную революціонность" народа.

Въ народѣ дремлютъ громадныя силы, этихъ силъ нѣтъ въ

„развращенномъ и полупомѣшанномъ обществѣ, которое имѣетъ претензію одного себя считать образованнымъ и годнымъ на что-нибудь дѣльное“—писалъ сорокъ лѣтъ тому назадъ Добролюбовъ. Въ народъ не проникъ еще лучъ просвѣщенія, но... „не одно скромное ученье подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ, не одна литература, всегда болѣе или менѣе фразистая, ведетъ народъ къ нравственному развитію и къ самостоятельнымъ улучшеніямъ матеріальнаго быта. Есть другой путь—путь жизненныхъ фактовъ, никогда не пропадающихъ безслѣдно, но всегда влекущихъ событіе за событіемъ, неизбѣжно, неотразимо; они дѣйствуютъ и на безграмотнаго крестьянскаго парня, и на отупѣвшаго отъ фухтелей кантониста, какъ дѣйствуютъ на студента университета. Холодъ и голодъ, отсутствіе законныхъ гарантій въ жизни, нарушеніе первыхъ началъ справедливости въ отношеніи къ личности человѣка—всегда дѣйствуютъ несравненно возбудительнѣе, нежели самыя громкія и высокія фразы о правдѣ и чести“ [1]).

И въ другомъ мѣстѣ: „существуетъ постоянно напряженное, неспокойное, недовольное положеніе массъ, даже безропотно, повидимому, подчинившихся наложенному на нихъ закону рабства. Въ исторіи всѣхъ обществъ, гдѣ существовало рабство, вы видите родъ спиральной пружинки: пока она придавлена—держится неподвижно, но чуть давленіе ослаблено или снято—она немедленно выскакиваетъ кверху“ [2]).

Добролюбовъ съ величайшимъ вниманіемъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ развертывалась народная „спираль“ въ Италіи, какъ подавленныя массы, ко всеобщему удивленію, сбрасывали иго неаполитанскихъ Бурбоновъ. Казалось: „непостижимая странность“ [3]) могла произойти не въ одномъ благословенномъ Неаполѣ, но и въ нашемъ любезномъ отечествѣ. Статьи замѣчательнаго критика

---

[1]) См. сочиненія Добролюбова, изд. третье, т. 4, ст. „Народное дѣло“, стр. 63 и 64.

[2]) Соч. Добролюбова, т. Ш, ст. „Черты для характеристики русскаго простонародья“, стр. 390.

[3]) Такъ озаглавлена одна изъ статей Добролюбова, посвященныхъ итальянскимъ дѣламъ.

одно изъ первыхъ проявленій разночинно-интеллигентскаго культа народа.

Но что такое „народъ“ въ сознаніи разночинца, вступавшаго на историческія подмостки? Народъ—это масса того крестьянства, съ котораго только что спали путы крѣпостного состоянія. Народъ—это сермяжное море, среди котораго затеряны жалкіе островки городской культуры. Въ условіяхъ того времени было естественно вѣрѣ въ массы, въ соціальные низы вообще, принять, конкретизируясь, форму вѣры въ русскаго крестьянина, въ міръ общинной, артельной Россіи.

И разночинецъ употреблялъ всѣ силы своего ума, чтобы найти въ нашей печальной дѣйствительности элементы болѣе счастливаго будущаго и изъ русскаго мужика, мірского человѣка, состряпать былиннаго Илью Муромца, который, просидѣвъ сиднемъ „тридцать лѣтъ и три года“, вотъ-вотъ начнетъ свои спасительные подвиги. Но нашъ богатырь продолжалъ себѣ сидѣть и не морщиться, пока скашивались погибавшіе во имя его лучшіе представители интеллигенціи. Подлинный народъ оказался не тѣмъ, какимъ рисовало его пылкое воображеніе идеалиста; міръ, община, артель—безсильными формами, и даже толки о „черномъ передѣлѣ“—безрезультатными.

Хожденіе въ народъ было сплошной неудачей, но разочарованіе не сразу овладѣло сознаніемъ семидесятника: онъ хватался за обрывки старой вѣры съ упорствомъ утопавшаго, онъ чувствовалъ, что подъ развалинами погибавшихъ иллюзій хоронится—онъ самъ со всѣми своими идеалами. А порывъ былъ великъ, революціонная энергія била ключемъ и требовала себѣ приложенія! Le vin est ouvert, il faut le boire—чего бы это ни стоило! Одинъ на одинъ, безъ союзниковъ, даже безъ секундантовъ, разночинецъ ринулся въ послѣдній смертный бой..... и изошелъ кровью! Такъ поѣздъ безъ тормаза несется впередъ, пока не изсякнетъ энергія или не разобьется онъ въ дребезги...

Изъ механизма разночинной психологіи выпалъ одинъ только винтикъ—и весь механизмъ пошелъ на смарку...

Для разночинца, какъ общественнаго слоя, извѣстное представленіе о народѣ есть conditio sine qua non его собственнаго существованія. Нѣтъ вѣры въ массы, значитъ—нѣтъ возмож-

ности проявить свою разночинную личность, нѣтъ историческаго оправданія своего всеотрицающаго духа. Съ исчезновеніемъ вѣры неизбѣжно потухала революціонность и съ ними вмѣстѣ увялъ демократизмъ.

Какъ историческій дѣятель, разночинецъ пересталъ существовать, и въ полѣ зрѣнія наблюдателя остались лишь немногіе „обломки разбитаго корабля“, да пестрая армія всяческихъ дезертировъ... Начинались проклятой памяти восьмидесятые годы...

Восьмидесятые годы представляютъ огромный общественно-психологическій интересъ, и я рекомендую ихъ особенному вниманію моихъ единомышленниковъ.

Подъ прикрытіемъ надвигавшейся ночи реакціи, на могилѣ скончавшагося былого, совершалась своеобразная тризна—эскамотировалась идеологія разночинца. Революціонное народничество смѣнялось народничествомъ либеральнымъ; красный „радикалъ“ подмѣнивался безцвѣтнымъ „прогрессистомъ“; въ литературѣ и въ жизни происходилъ не лишенный пикантности маскарадъ: посторонніе люди завладѣли гардеробомъ покойника и одѣлись въ него, при благосклонномъ содѣйствіи иныхъ архиваріусовъ прошлаго...

Почему же произошло, почему же могло произойти это идейное переодѣваніе?—А вотъ почему. Разночинецъ былъ демократъ, сказалъ я, и притомъ единственный демократъ, достойный этого названія. Его грандіозная борьба съ устарѣлымъ режимомъ, отодвинувъ на задній планъ его соціалистическія перспективы—со дня на день къ тому же тускнѣвшія,—дала ему возможность стать скрытымъ камертономъ нашей оппозиціи. Его открыто поносили, страха ради іудейска отъ него открещивались, но втайнѣ сочувствовали... и многіе межеумки нашей „интеллигенціи“ пламенѣли къ нему... платонической страстью. Сфера вліянія его, какъ своего рода концентрирующаго начала, стала простираться далеко за предѣлы разночинной интеллигенціи, и мало-по-малу подготавливалась почва для дальнѣйшей ассимиляціи инородныхъ элементовъ. Эти элементы, какъ водится, не только усвоивались, но и усвоивали, и съ тѣмъ большей легкостью переваривали частички идейнаго продукта разночинно-интеллигентской среды, что

среда эта потеряла свою психологическую спайку и шла навстрѣчу собственному разложенію.

Разночинецъ—демократъ. Но, вѣдь, и они, эти люди, подхватывавшіе „наслѣдство“ изъ рукъ умиравшаго прошлаго—демократы: обожаютъ свободу и подъ сурдинку готовы ругать предержащую власть. Разночинецъ—революціонеръ, но не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ: революціонное отрицаніе, за спиной котораго не стоятъ массы, готовыя къ дѣйствію, не болѣе, какъ Самсонъ, остриженный подъ гребенку Далилой,—воздушные замки, праздничныя мечты хорошаго человѣка. Разночинецъ тяготѣетъ къ народу... И они любятъ народъ, обездоленнаго крестьянина, и готовы цѣлыми сотнями печь проекты народолюбивыхъ реформъ: вѣдь безъ посредства широкихъ массъ населенія не добиться, пожалуй, и самой плохенькой конституціи.

Психологическіе запросы праваго крыла нашей интеллигенціи и вообще тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ формировался нашъ мягкотѣлый либерализмъ, начали находить удовлетвореніе въ идеологическихъ формахъ стараго разночинца, разумѣется—тщательно исправленныхъ и дополненныхъ сообразно духу новой общественной формаціи. Процессъ перерожденія старой идеологіи подготавливался годами, но завершился и могъ завершиться онъ только въ то время, когда поле нашей общественной жизни было окончательно очищено отъ славныхъ борцовъ, а остатки разгромленнаго слоя пошли въ Каноссу тихой и скромной—обще-либеральной оппозиціи. Вѣтеръ реакціи сдулъ въ одну кучу разнородные элементы или вѣрнѣе,—элементы съ разнороднымъ прошлымъ и подготовилъ тѣхъ рыцарей печальнаго образа, съ которыми въ 90-хъ годахъ пришлось столкнуться русскому марксизму. Казалось: одно дыханіе смерти вѣетъ надъ этимъ кладбищемъ человѣческаго духа и призываетъ къ дѣятельности лишь паразитовъ разложенія... Но то было не такъ.

Жизнь вырабатывала въ своихъ нѣдрахъ животворныя начала; огромный стихійный процессъ, полный мукъ и боли, измѣнялъ мало-по-малу всю общественную структуру Россіи, создавая новыя группировки и дѣйствуя на сознаніе людей. Городской рабочій человѣкъ шевелился все больше и больше, все яснѣе становилась безпокойная физіономія новаго гражданина русской земли

и очевиднѣе та роль, которую призванъ играть этотъ „отрѣзанный ломоть“ долготерпѣливой деревни.

И въ то же самое время—заживали старыя раны, молодая поросль всходила на обагренной нивѣ, подростало новое поколѣніе разночинца-интеллигента, и снова билась, какъ пойманная птица въ тенетахъ, безпомощная мысль нашей интеллигенціи надъ стародавнимъ вопросомъ—что ей дѣлать. Жизнь, немилостивая мачиха, сжалилась, наконецъ, надъ своимъ пасынкомъ и свела его лицомъ къ лицу съ новымъ пришельцемъ нашей дѣйствительности—съ русскимъ пролетаріемъ.

Я знаю, мнѣ скажутъ: и въ старину революціонеръ водилъ знакомство съ городскимъ рабочимъ человѣкомъ, и чуть ли не всѣ, сколько-нибудь значительныя,организаціи работали въ этой средѣ [1]).

Все это такъ, но все это не мѣняетъ выставленнаго мной положенія. Лозунгъ стараго разночинца былъ: въ народъ, въ крестьянскую массу—тамъ нервъ нашей общественности, тамъ залогъ нашего освобожденія. Городской рабочій людъ—этотъ крохотный заливъ великаго крестьянскаго моря—не болѣе, какъ передаточная инстанція, воспріимчивый ученикъ, способный разнести сѣмена соціалистическаго ученія въ самую глубь деревенской Россіи. Онъ—ничто, какъ самостоятельный агентъ; онъ—такое же незначительное колесо нашей общественной машины, какъ и сама разночинная интеллигенція.

Естественно поэтому, что съ паденіемъ вѣры въ крестьянина, не было силы, которая могла бы задержать процессъ разложенія разночинной психологіи. Да и теперь, много лѣтъ спустя, нелегко было преемнику стараго разночинца избавиться отъ гипноза прежнихъ воззрѣній.

Нужно было пережить голодную эпопею начала 90-хъ годовъ и съ горечью убѣдиться, какъ безропотно умираетъ наша деревенщина. Нужно было испытать на дѣлѣ безсиліе старыхъ программъ и все несоотвѣтствіе новѣйшаго прожекторства революціонному духу прошлаго. Нужно было ощутить все растущее обаяніе западно-европейской соціалдемократіи и понять ея міровоз

---

[1]). Такъ, напримѣръ, кружокъ Чайковцевъ начала 70-хъ годовъ, позже—общество „Земля и Воля“, еще позже—народовольцы.

значеніе, чтобы, наконецъ, измученная мысль и истерзанное сердце интеллигентнаго пролетарія пошли навстрѣчу современному герою русской исторіи и нашли успокоеніе въ новомъ евангеліи.

„Симъ побѣдиши“—здѣсь бьется пульсъ нашего времени, здѣсь вербуется грядущая армія. Насъ немного сегодня, завтра будутъ тысячи, а позже—тьмы тысячъ. И если мы погибнемъ, мы знаемъ, изъ костей нашихъ возстанетъ мститель и завершитъ недодѣланное. Стихійный процессъ порукой тому, и никакія силы разгнѣваннаго деспотизма не смогутъ остановить его поступательнаго хода.

Въ молодыхъ сердцахъ загорѣлась старая вѣра, пробуждался революціонный духъ, психологія былого разночинца праздновала свое возрожденіе и смѣло-задорно вступала въ нашу общественную жизнь, прорывая цензурныя плотины и расталкивая публику, дремавшую подъ мѣрное журчанье „прогрессивныхъ рѣчей“ и ошеломленную давно невиданнымъ зрѣлищемъ. Широкой волной разливалось возбужденіе въ столичныхъ кружкахъ молодежи, за ними тянулась провинція и звучали повсюду мудреныя слова: экономика, идеологія, базисъ, надстройка, диференціація, капитализмъ—вызывая насмѣшки умудренныхъ жизнью скептиковъ и непритворное изумленіе стороннихъ людей, непосвященныхъ въ скрытый смыслъ этихъ „жупеловъ“. А между тѣмъ, въ это абстрактное одѣяніе закутанъ былъ гамлетовскій вопросъ—быть или не быть разночинцу. Революціонно настроенный интеллигентъ все болѣе и болѣе чувствовалъ—именно чувствовалъ, что только въ дальнѣйшемъ европеизированіи Россіи залогъ возможнаго проявленія его революціоннаго духа и осуществленія его соціалистическихъ надеждъ.

Оставалось—это требованіе непосредственнаго чувства реализировать въ формахъ сознанія; и дѣйствительно—въ сознаніи интеллигента произошелъ колоссальной важности переворотъ: какъ прежде онъ употреблялъ всѣ силы своего ума на доказательство особыхъ путей нашего отечественнаго развитія, такъ теперь—со всей страстью неофита отстаивалъ противоположный тезисъ. Теперь, когда онъ былъ увѣренъ, что стихійный экономическій процессъ ведетъ его прямикомъ къ идеалу, онъ сталъ

съ жаромъ отстаивать „экономику“ и распинаться за „матеріализмъ“. При такихъ общественно-психологическихъ предпосылкахъ дѣйствіе на умы марксистской литературы было неотразимо и уже, конечно, не дряблымъ „прогрессистамъ“ и народникамъ было впору тягаться съ новымъ теченіемъ.

Русскій легальный марксизмъ удачно выполнилъ свою историческую задачу: онъ очистилъ умы отъ пережитковъ устарѣлаго прошлаго, съ успѣхомъ доказалъ развитіе капитализма въ Россіи, популяризировалъ идеи такъ называемаго „экономическаго матеріализма“, указалъ на освободительную роль пролетаріата и растущаго городского уклада. На этомъ кончилась его миссія: онъ совершилъ въ предѣлахъ цензурныхъ все возможное и большаго—не могъ совершить. Der Mohr hat seine Schuldigkeit gethan, der Mohr kann gehen!

Но онъ... не ушелъ, а комфортабельно усѣлся въ журнальныхъ креслахъ, прежній изгой превратился въ излюбленнаго человѣка либеральныхъ редакцій, травленный волкъ сталъ львомъ литературныхъ салоновъ!

Какъ въ сказкахъ по манію жезла кудесника, въ литературѣ и въ жизни начали совершаться волшебныя метаморфозы. Либеральный народникъ и народничествующій прогрессистъ точно сгинули, и многоголовая, разномастная толпа разнообразнѣйшаго люда запѣла „осанна“ марксизму, этому общественному ученію, такъ недавно ими же осмѣянному, оплеванному, гонимому.

Что случилось? За что полюбили нашу красавицу всѣ эти заигрывающіе поклонники?—Увы!—въ жизни нашей интеллигенціи это старая, но вѣчно юная исторія. Съ марксизмомъ приключилось то же, что когда-то произошло—въ нѣсколько иной исторической обстановкѣ—со старымъ революціоннымъ народничествомъ.

При оцѣнкѣ нашихъ „интеллигентныхъ“ теченій слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду особенности положенія интеллигенціи въ группировкѣ общественныхъ элементовъ и вытекающія отсюда послѣдствія. Интеллигенція пролетарскаго типа неуловимыми переходами сливается съ интеллигенціей буржуазно-окрашенной, съ интеллигенціей, пустившей корни въ почву нашей общественности.

Ихъ сближаетъ общая доля подневольнаго существованія, неудовлетворенность элементарнѣйшихъ демократическихъ стремленій. Ихъ сближаетъ—и это важно отмѣтить—сознаніе собственной слабости и необходимость опереться на массы. Если лѣвый флангъ интеллигенціи тяготѣетъ къ массамъ во имя широкихъ соціалистическихъ перспективъ, то правый—во имя ближайшихъ конституціонныхъ требованій. Но уже одна необходимость искать точку опоры въ общественныхъ низахъ наводитъ лакъ соціалистическихъ симпатій не на одну только „лѣвую“, а и на всю нашу интеллигенцію до праваго фланга включительно. Восьмидесятые годы представляютъ для насъ глубокій интересъ именно потому, что въ эту эпоху безотрадной реакціи „правая“ окончательно утвердилась въ печальномъ сознаніи своей слабости, и съ этого момента ведетъ свое начало процессъ окрашиванія въ розово-соціалистическій цвѣтъ широкихъ слоевъ либеральной интеллигенціи; какъ я уже выше говорилъ, идеологическія формы она заимствовала у разночинца и приспособила ихъ для собственныхъ надобностей. Революціонность, отрицательное отношеніе къ основамъ современной общественности—вотъ что отдѣляетъ лѣвый флангъ нашей интеллигенціи отъ праваго и проводитъ демаркаціонную линію: по одну сторону — революціонеры - соціалисты, по другую — демократы, съ соціализмомъ кокетничающіе... Справедливость требуетъ признать: наша демократія значительно выросла за послѣдніе два десятка лѣтъ и впечатлѣнія голодной годины осѣли уже въ поколѣніи, политически болѣе развитомъ и болѣе дѣеспособномъ, чѣмъ поколѣніе народничествующихъ либераловъ-восьмидесятниковъ. Широкое „культурное“ теченіе, охватившее послѣ 91-го и 92-го годовъ значительную часть столичной и провинціальной интеллигенціи, было уже тѣмъ серьезнымъ и поистинѣ „отраднымъ“ явленіемъ, на которомъ отдыхалъ растерянный взглядъ истомленнаго зрителя. Огромный запасъ общественной энергіи тратился на борьбу за „просвѣтительныя“ цѣли, и въ самыхъ заброшенныхъ уголкахъ нашей родины котломъ кипѣла мелкая, невидная, но полная жизненнаго смысла работа.

Необходимо занести въ активъ „культурничества“, что оно подняло „новь“, которой не касался еще плугъ общественнаго

сознанія, и дало начатки политическаго воспитанія той массѣ культурныхъ работниковъ, которая шла подъ его знаменемъ. Просвѣщеніе народа, просвѣщеніе массъ—былъ первый и послѣдній параграфъ его неписанной политической программы. Черезъ приготовительный классъ культурничества прошло немало интеллигентныхъ пролетаріевъ, и не одинъ энтузіастъ-революціонеръ добромъ вспомянетъ свое „просвѣтительное" прошлое.

Культурничество росло и ширилось, и постепенно проникало въ русскую журналистику. Оно создало литературу, болѣе или менѣе приноровленную къ потребностямъ „маленькаго человѣка", новаго читателя русской земли. Оно выработало особый типъ періодическихъ органовъ, оно стало вдохновителемъ цѣлаго ряда издательскихъ фирмъ. И по мѣрѣ того, какъ оно росло, оно сбрасывало, хотя и нерѣшительно, народническіе привѣски къ своей программѣ, и вниманіе его сильнѣе и сильнѣе привлекалось населеніемъ крупныхъ общественныхъ центровъ, тѣми ищущими свѣта пролетаріями, фигуры которыхъ съ нѣкоторыхъ поръ мелькали то здѣсь, то тамъ на страницахъ русской литературы.

А въ то самое время, какъ фокусъ общественнаго вниманія культурниковъ медленно, но неуклонно перемѣщался изъ деревни въ городъ, на авансценѣ русской литературы завязывался присно-памятный, теперь отошедшій уже въ исторію, турниръ марксистовъ съ такъ называемыми народниками.

Часть молодого поколѣнія русской демократіи быстро капитулировала передъ новымъ ученіемъ, большая часть заняла выжидательную, отчасти враждебную позицію. Однако, жизнь поспѣшила красноречиво отвѣтить на самые жгучіе вопросы, поднятые въ этомъ историческомъ спорѣ, и знаменитая петербургская стачка 1896 года сдѣлала то, чего не могли бы сдѣлать цѣлые фоліанты полемики.

Не подлежало болѣе сомнѣнію: русское рабочее движеніе стало виднымъ, вліятельнымъ факторомъ нашей общественной жизни, и ближайшій результатъ этого событія былъ тотъ, что бѣдныхъ народниковъ какъ не бывало—ихъ вымело, точно помеломъ изъ среды нашей демократіи. Произошло нѣчто въ высокой степени знаменательное: старая идеологическая форма окончательно рухнула, подмытая рѣкой вѣчно текущей исторіи,

исчезло одно изъ важнѣйшихъ звеньевъ въ сознаніи широкихъ слоевъ нашей интеллигенціи, и марксизмъ безпрепятственно ворвался въ это сознаніе, замѣняя старое новымъ, сообразно измѣнившимся условіямъ времени. Онъ являлся эмблемой освободительныхъ вѣяній, олицетвореніемъ молодого, послѣдовательнаго радикализма, онъ входилъ въ ореолѣ западно-европейской соціалдемократіи, ведущей безпощадную борьбу съ остатками абсолютистскаго режима, онъ становился упованіемъ всей передовой части русскаго „общества“.

Скромный „культурникъ“ начала 90-хъ годовъ съ его, тогда еще неразвитой, программой валомъ повалилъ въ эту новую Мекку русскаго либерализма, и къ сравнительно небогатой коллекціи русскихъ общественныхъ типовъ прибавился новый: появился— да простится мнѣ сіе слово—марксистообразный. Марксистообразный либералъ или демократъ былъ первый и очень важный трофей только что одержанной идейной побѣды, яркій симптомъ концентрирующей силы новаго ученія. Марксисту - разночинцу, марксисту - революціонеру на первыхъ порахъ оставалось только радоваться: во имя ближайшихъ освободительныхъ цѣлей начали собираться подъ пролетарское революціонное знамя всѣ искренніе демократическіе элементы страны, становилось, казалось, возможной, конкретно осуществимой въ недалекомъ будущемъ насущная историческая задача русской соціалдемократіи [1]).

На дѣлѣ, однако, вышло не такъ: у розы—свои шипы, у концентраціи—свои опасности; и опасности тѣмъ болѣе серьезныя, чѣмъ больше возможности ослабленія концентрирующаго элемента на счетъ концентрируемыхъ. А о томъ, чтобы эта возможность могла превратиться въ дѣйствительность, постаралась позаботиться русская государственная машина.

Разночинная интеллигенція спѣшила справить „именины своего сердца“ — воскресеніе былыхъ надеждъ, она устремилась

---

[1]) Мимоходомъ замѣчу, что еще въ 1896 году П. Инородцевъ въ статьѣ своей въ „Sociale Praxis“ отмѣтилъ существованіе въ средѣ русскихъ марксистовъ изряднаго количества „переодѣтыхъ либераловъ“. Я не знаю, зачислилъ ли онъ тогда въ эту категорію почтеннѣйшаго П. Струве, но—надо полагать—теперь онъ сдѣлалъ бы это, не колеблясь ни мгновенія.

въ рабочую массу и въ растущемъ рабочемъ движенiи нашла исходъ своей психологiи. А въ то самое время, когда наша „крайняя лѣвая“ принимала на свою грудь все учащающiеся удары полицейскаго аппарата, населяла „казенныя квартиры“ и предпринимала колонизацiю сѣверныхъ и восточныхъ пустырей нашего обширнаго отечества, по-марксистски глаголящая демократiя цвѣла, множилась и становилась безчисленной, аки песокъ морской. Ея психологiя, безусловно враждебная тому, что называется революцiоннымъ отношенiемъ къ дѣйствительности, видящая въ этомъ отношенiи давно пройденную ступень обветшалаго утопизма, незамѣтно, вкрадчиво подбиралась къ пролетарскому евангелiю и робко нащупывала тѣ его стороны, черезъ которыя легче могло бы проскользнуть въ него новое общественное содержанiе. Предстояла нелегкая задача—справиться со старымъ грѣховодникомъ и влить въ жилы буйному дѣтищу свободы и пролетарской ненависти овечью кровь постепеновца.

Эта деликатная операцiя въ концѣ концовъ увѣнчалась успѣхомъ при своеобразномъ стеченiи благопрiятствующихъ ей обстоятельствъ. Но на первыхъ порахъ зданiе революцiоннаго марксизма стояло крѣпко, правда, неотдѣланное, недостроенное, но на прочномъ, незыблемомъ основанiи. Оно было чудно-красиво въ своей стройности, въ своей гармонической цѣльности, точно прекрасное скульптурное произведенiе, вышедшее изъ-подъ рѣзца генiальнаго художника. Эта цѣльность или въ переводѣ на „критическiй“ языкъ—эта догматичность была первой помѣхой на пути „перестройки“: ее нужно было устранить во что бы то ни стало. Недаромъ такой умный выразитель либерально-демократическихъ тенденцiй въ марксизмѣ, какъ Петръ Струве, началъ свою литературную карьеру съ того, что объявилъ себя—неортодоксальнымъ. Нѣтъ надобности оставаться вѣрнымъ духу ученiя великаго писателя, можно съ легкимъ сердцемъ заняться его исправленiемъ и—подъ благовиднымъ предлогомъ свободы критики—къ торсу Венеры Милосской приставить голову смѣющагося Фавна...

Но первый ударъ прошелъ мимо: литературный дебютъ Струве имѣлъ огромный успѣхъ совсѣмъ другими своими сторонами, его „ересь“ получила сейчасъ же достодолжный отпоръ, и самъ авторъ подъ давленiемъ нашей „экстремы“ сдѣлалъ первый изъ

поворотовъ своего зигзагообразнаго развитія. Удобный моментъ для торжества демократической психологіи еще не наступалъ, да и много было другой, настоятельно нужной и связующей оба крыла нашей интеллигенціи, работы: борьба съ народничествомъ была еще въ самомъ разгарѣ, а въ литературѣ началъ вскорѣ производиться первый и до сихъ поръ единственный успѣшный опытъ веденія русскаго марксистскаго журнала.

Однако, ce qui est ajourné, n'est point perdu—что отложено, не потеряно. Прошло немного лѣтъ, легальный марксизмъ изжилъ свое содержаніе, борьба съ народничествомъ стала поростать быльемъ забвенія. „Просвѣтительный" періодъ близился къ концу, на очередь становился вопросъ о ближайшихъ задачахъ, о необходимости намѣтить основныя формы общественной дѣятельности. Рабочее движеніе, ставъ крупной величиной, начало предъявлять болѣе сложныя требованія къ русской соціалдемократіи. Чтобы не потеряться въ лабиринтѣ повседневныхъ запросовъ, въ пестрой сутолокѣ вѣчно мѣняющихся „мелочей жизни", нужна была руководствующая нить, нужна была программа, нужна была своего рода „критика практическаго разума", публицистическая выучка для тѣхъ, кто собирался вступить и вступалъ на тернистый путь соціалдемократической работы.

Пережившая себя легальная марксистская литература, конечно, безмолвствовала въ отвѣтъ на эти требованія жизни. Сдавленная цензурными тисками, причесанная, тихая, она усердно занималась старыми перепѣвами, семейно-литературной перепиской о рынкахъ и другими, столь же животрепещущими, вопросами. Къ удивленію прежнихъ ея цѣнителей, она получила даже вкусъ къ рафинированной музѣ самоновѣйшаго искусства и къ своеобразной „морали" недавно скончавшагося философа. Въ извѣстныхъ, не слишкомъ большихъ дозахъ, марксизмъ сталъ неизбѣжной приправой, чѣмъ-то въ родѣ горчицы или перца, къ литературнымъ блюдамъ искусныхъ журнальныхъ и газетныхъ поваровъ, а небольшая вначалѣ дружина марксистовъ-писателей разрослась до размѣровъ цѣлаго полчища марксистообразныхъ. Словомъ, говоря языкомъ коммерсантовъ, акціи марксизма котировались еще высоко на биржѣ русской литературы въ то самое время, когда

политическая цѣнность его съ неудержимой быстротой приближалась къ нулю.

Налицо были несомнѣнные признаки: легальный марксизмъ, переставъ отвѣчать на жизненные запросы „крайней лѣвой“, все болѣе и болѣе приспособлялся къ психологическому складу либеральной демократіи, постепенно переходя въ ея монопольное владѣніе. Но это перерожденіе русскаго марксизма совершалось такъ исподволь, такъ осторожно, что долгое время оптимисты могли утѣшать себя надеждой, что причина всѣхъ бѣдъ—такъ называемыя „независящія обстоятельства“. Перерожденіе марксизма должно было получить теоретическую санкцію для того, чтобы стало возможнымъ переубѣдить этихъ прекраснодушныхъ людей.

Бернштейновское пронунціаменто принесло, наконецъ, разрѣшающее слово для русской демократіи; оно дало то, чего жаждала либеральная душа, изстрадавшаяся въ революціонной оболочкѣ, оно дало оправданіе ея либерально-постепеновскимъ тенденціямъ, оно указывало путь ея „рабочелюбивымъ“ стремленіямъ. Рабочелюбіе—вотъ формула практической дѣятельности, призванная смѣнить устарѣвшее „народолюбіе“ либераловъ-народниковъ. Программа еще не сложилась, но она придетъ въ свое время, и элементы этой будущей программы ясны: въ нее войдетъ неизбѣжной составной частью былое „просвѣтительство“, въ ней будетъ играть первую скрипку „экономическая организація“ пролетаріата, „общества потребителей“, „кассы взаимопомощи“ и прочія хорошія вещи расположатся на вакантныхъ мѣстахъ, оставшихся отъ вышедшихъ изъ моды кустарныхъ и артельныхъ начинаній незаслуженно изруганныхъ народниковъ. Хлопотали народники, похлопочутъ и марксисты, наша демократія вообще большая хлопотунья, любитъ „хозяйственныя“ заботы и только почему-то, какъ евангельская Мареа, не терпитъ „безсмысленныхъ мечтаній“—„конечной цѣли.“

Въ получившемъ довольно обширную извѣстность произведеніи, извѣстномъ подъ именемъ „Credo“, въ высшей степени рельефно и точно очерчены основныя пожеланія демократіи: его авторъ съ достойной вниманія смѣлостью выговорилъ то, чего до сихъ поръ не рѣшается сказать просто и безъ ужимокъ боль-

шинство нашихъ марксистообразныхъ писателей. Наша литература блудлива, какъ кошка, и труслива, какъ заяцъ, и въ рѣшительный моментъ, когда ее призываютъ къ отвѣту и спрашиваютъ, что сдѣлала она съ ввѣреннымъ ей сокровищемъ, она, какъ Каинъ, говоритъ—я не сторожъ сокровищу и торопится устроить себѣ alibi на литературномъ олимпѣ, далекомъ отъ водоворота житейскихъ страстей, холодномъ, безстрастномъ.

Чего боится наша марксистообразная демократія? Она боится разночинца, она боится слагающейся соціалдемократической партіи, она боится того момента, когда русскій соціалдемократъ, стряхнувъ съ себя иго демократическаго плѣненія, отплатитъ ей сторицей за поруганное революціонное чувство и пересчитаетъ ея прегрѣшенія...

И пора бы, кажется, современному разночинцу взять опять бразды гегемоніи изъ дряблыхъ рукъ нашей маскированной демократіи. Посмотрите, она не умѣетъ быть даже демократичной, она не научилась бороться за свободу, она никогда не способна будетъ стать во главѣ освободительнаго движенія. Но зато она сумѣла растлить цѣлое поколѣніе разночинной интеллигенціи, вливъ въ него ядъ „экономизма“.

У насъ давно уже нѣтъ свободнаго печатнаго станка, на которомъ марксистская интеллигенція могла бы получить свое политическое воспитаніе. Съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ выходить женевскій „Соціалдемократъ“, у насъ есть—немногія исключенія не въ счетъ—печатныя хроники революціонной борьбы, да популярныя брошюры для рабочихъ.

Ищущая общественнаго знанія молодежь начиняется трактатами о цѣнности, о рынкахъ, о лимитаціи, мотиваціи и прочихъ высокомудрыхъ матеріяхъ, но у нея нѣтъ въ рукахъ даже азбуки политическаго знанія, она всецѣло предоставлена своему общественному инстинкту. Не зная, какъ подступиться къ сложному рисунку нашей общественной жизни, она бредетъ въ потьмахъ и спотыкается, и готова въ минуту жизни трудную—а такихъ минутъ много бываетъ въ жизни русскаго революціонера — продать за чечевичную похлебку преходящихъ интересовъ права первородства своихъ идеаловъ—задачи движенія въ его цѣломъ...

Но.. современная разночинная интеллигенція и ея блужданія—

слишкомъ обширная тема, чтобы касаться ея мимоходомъ. Я посвящу ей особую статью, а пока въ заключеніе замѣчу: я желалъ бы своему поколѣнію хоть сотую долю того революціоннаго размаха, которымъ когда-то обезсмертилъ себя семидесятникъ; я сказалъ бы моимъ единомышленникамъ: выходите и выводите рабочее движеніе на широкій путь политической борьбы, никогда и ни при какихъ условіяхъ не поступайтесь своей общественной личностью, не отрекайтесь отъ славнаго прошлаго разночинной интеллигенціи.

1900 г.

НАШИ ЗЛОКЛЮЧЕНІЯ.

I.

О либерализмѣ и гегемоніи.

Въ соціалдемократической литературѣ нѣтъ, кажется, болѣе заѣзженной фигуры, чѣмъ фигура либерала, и нѣтъ болѣе избитаго вопроса, чѣмъ вопросъ объ отношеніи соціалдемократіи къ освободительному движенію передовыхъ элементовъ современнаго русскаго общества. Давно прошли времена, когда практикъ, съ головой погружаясь въ перипетіи повседневной борьбы, безразлично выглядывалъ оттуда, изъ отмежеваннаго имъ себѣ угла, на остальной божій міръ, невѣдомый и чуждый, зіявшій передъ нимъ огромнымъ темнымъ пятномъ, въ темнотѣ котораго исчезали отдѣльныя очертанія. Забыто недавнее прошлое, когда П. Аксельродъ являлся дѣвственному уму соціалдемократа-неофита чѣмъ-то въ родѣ буржуазнаго искусителя, стремящагося вовлечь молодой пролетаріатъ въ предосудительную связь съ другими общественными группами.

Жизнь, съ начала текущаго десятилѣтія—и что дальше, то больше—своимъ шумомъ и своей пестротой врывалась въ узкій кругъ сектантскихъ понятій и разрушала цѣльность кружковой психологіи. Легко было сохранять эту ограниченную цѣльность, пока вокругъ было мертвенно тихо, и трудно, невозможно, когда россійское сонное царство стало, наконецъ, приходить въ движеніе подъ напоромъ пролетарской стихіи.

Демонстрирующіе студенты, вовлекаемые въ круговоротъ борьбы, все болѣе широкіе, непочатые до тѣхъ поръ, слои демократіи, земцы, кристаллизующіеся въ своего рода оппозиціонное средостѣніе; крестьяне, волнующіеся то здѣсь, то тамъ... съ этими новыми факторами общественнаго развитія приходилось считаться, хочешь того или нѣтъ. Событія говорили властнымъ языкомъ, на улицѣ залагались еще неясными контурами основы того боевого сотрудничества, которое должно было, въ конечномъ счетѣ, сокрушить гидру самодержавной бюрократіи. И въ тонъ этимъ знаменіямъ времени совершался коренной переломъ въ представленіяхъ русской соціалдемократіи. Прежняя абстракція, мечта отдѣльныхъ соціалдемократовъ-писателей и немногихъ кружковъ, идея, такъ называемой, гегемоніи, идея пролетаріата, руководящаго освободительной борьбой, дѣлала съ каждымъ днемъ какъ будто все болѣе замѣтные успѣхи, пытаясь, если не облечься въ плоть и кровь, то, во всякомъ случаѣ, стать „общимъ мѣстомъ“ въ нашей тактикѣ...

Было слишкомъ очевидно, что партіи сознательнаго пролетаріата предстоитъ борьба съ могучимъ врагомъ не одинъ на одинъ, а въ сложной комбинаціи различныхъ общественныхъ группъ, преслѣдующихъ различныя цѣли и предъявляющихъ каждая свою долю въ наслѣдствѣ къ умирающему режиму. И очевиднымъ представлялось также, что только она, эта организованная сила рабочихъ массъ, можетъ взять на себя рѣшительный ударъ въ сверженіи колосса. Формула партійной программы, гласящая, что „соціалдемократія поддерживаетъ всякое оппозиціонное и революціонное движеніе, направленное противъ существующаго въ Россіи общественнаго и политическаго порядка“, эта формула еще задолго до своего офиціальнаго признанія кочевала изъ устъ въ уста, изъ одного литературнаго произведенія въ другое. Неудивительно, если соціалдемократы съ удвоенной энергіей принялись теперь наверстывать то, что ранѣе было ими упущено: съ головы до ногъ осматривали они всякаго политическаго дебютанта и расцѣнивали каждый шагъ, каждый жестъ своихъ возможныхъ союзниковъ. Литература о либерализмѣ росла, формуляръ либеральныхъ грѣховъ былъ исписанъ до краевъ, но странное дѣло: ясности, опредѣленности, отчетливости въ отношеніи къ

либерально-демократическому конгломерату въ литературѣ было, пожалуй, менѣе въ настоящій разгаръ политической агитаціи, чѣмъ въ то сравнительно глухое время, когда П. Аксельродъ писалъ свое „взаимное отношеніе либеральной и соціалистической демократіи“. Партіи, не на словахъ, а на дѣлѣ, полагавшей возможнымъ занять господствующее положеніе въ комбинаціи силъ, направленныхъ противъ наличнаго режима, казалось бы, на первыхъ же порахъ ея политической оріентировки обязательно дать отчетъ себѣ въ томъ, отъ какихъ моментовъ зависитъ, чѣмъ опредѣляется ея отношеніе къ отдѣльнымъ элементамъ конгломерата; а затѣмъ, какъ думаетъ эта партія реализовать свое политическое значеніе въ процессѣ борьбы и группировки, какъ думаетъ она осуществлять въ окружающей ее общественной средѣ—свое революціонизирующее вліяніе.

А между тѣмъ, оглядываясь на истекшіе годы, невольно приходишь къ тому невеселому выводу, что мысль соціалдемократіи почему-то обычно застрѣвала въ преддверія этихъ задачъ и что, напримѣръ, ни кто другой, какъ тотъ изъ соціалдемократическихъ писателей, который нарочито всегда усердствовалъ въ борьбѣ со скверной расплывчатости, въ данномъ вопросѣ проявилъ—о, иронія судьбы—максимальную сумму этого непохвальнаго свойства.

1.

Попытайтесь, въ самомъ дѣлѣ, читатель, произвести надъ многочисленными статьями Ленина объ отечественномъ либерализмѣ операцію, подобную той, которую чортъ у Горькаго произвелъ—съ неожиданнымъ результатомъ—надъ русскимъ обывательскимъ сердцемъ: освободите писанія его отъ привходящихъ, хотя въ данномъ случаѣ и почтенныхъ наслоеній—публицистическаго жара, цвѣтовъ грубоватаго краснорѣчія, той стремительности, съ которой дубина его аргументаціи разила политически невоспитанныхъ людей и „половинчатыхъ“ политикановъ, и у васъ останется въ рукахъ вылущенной та куцая маленькая идейка, что либеральная среда до сихъ поръ видитъ путь къ свободѣ, лежащимъ не черезъ арену нелегальной борьбы, и что „предразсудокъ“ ея заключается въ готовности удовлетвориться суррогатомъ въ видѣ земствъ съ расширенными полномочіями, вмѣсто того, чтобы ставить своей

целью—неподдѣльный конституціонный режимъ. И отсюда резюме: ахъ, отчего они оппортунисты, ахъ, зачѣмъ они политиканы! Въ этомъ бѣда и этимъ опредѣляется наше настоящее отношеніе къ нимъ. Стоитъ, однако, либераламъ распроститься съ этимъ сквернымъ „предразсудкомъ“, и „мы“ ухватимся за нихъ съ столь большимъ восторгомъ, что даже и не спросимъ, изъ чьихъ же вы будете, и къ какой, собственно говоря, конституціи приписаны, не спросимъ потому, что расплывчатому понятію либерала у насъ соотвѣтствуетъ такое же расплывчатое понятіе политической свободы [1]).

„Мы“, соціалдемократы, завѣряетъ насъ Ленинъ, направляя парѳянскую стрѣлу въ одного изъ „Аннибаловъ либерализма“, будемъ „привѣтствовать“ ихъ, либераловъ, „объединеніе“, „мы будемъ поддерживать ихъ требованія“, „мы постараемся, чтобы дѣятельность либераловъ и соціалдемократовъ взаимно пополняла другъ друга“ [2]).

Я рекомендую вниманію читателя эти знаменательныя строки: онѣ такъ чудовищны подъ перомъ извѣстнаго своею непримиримостью правовѣрнаго соціалдемократа, что, вѣроятно, у многихъ возникнетъ сомнѣніе, да такъ ли это, неужели эти строки напечатаны чернымъ по бѣлому, неужели это не lapsus, не простая обмолвка; потому что, вѣдь, къ азбукѣ соціалдемократической тактики должно бы относиться, что одно дѣло поддержать либеральное движеніе, направленное противъ существующаго строя и другое — поддерживать требованія, которыя этому движенію вздумалось бы выставить на своемъ знамени. Такъ, соціалдемократія, разумѣется, по мѣрѣ своихъ силъ и въ формѣ,

---

[1]) См. его статью въ № 2—3 „Зари“ „Гонители земства и Аннибалы либерализма“, стр. 93—100. „Объединеніе либераловъ,—пишетъ онъ, (стр. 97),—дѣло безусловно полезное и желательное, но только такое объединеніе, которое ставитъ своей цѣлью борьбу съ застарѣлыми предразсудками, а не заигрываніе съ ними, повышеніе средняго уровня нашей политической развитости (вѣрнѣе, неразвитости), а не санкціонированіе его, однимъ словомъ, объединеніе для поддержки нелегальной борьбы, а не для оппортунистическаго фразерства о крупномъ значеніи легальной дѣятельности“. См. также его статью „Политическая борьба и политиканство“.

[2]) Тамъ же, стр. 99.

отвѣчающей моменту, поддержитъ умѣренныхъ земцевъ, если имъ случится напороться на рогатки полицейскаго произвола, но ей и въ голову не придетъ вторить земскимъ пожеланіямъ созыва собранія изъ представителей земствъ и думъ. У соціалдемократіи, какъ у демократическаго авангарда для настоящаго историческаго періода, есть свое и совершенно опредѣленное требованіе, отъ котораго ей нѣтъ возможности отступаться ни по какимъ соображеніямъ компромисса. Это—требованіе учредительнаго собранія, избраннаго народомъ на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. И еще менѣе можетъ соціалдемократія утѣшать себя иллюзіей, что при данной разнородности ближайшихъ задачъ ея дѣятельность и дѣятельность людей съ вышеназваннымъ политическимъ credo въ состояніи при какихъ бы то ни было условіяхъ взаимно пополнять другъ друга.

И, однако, то, что казалось бы иллюзіей съ точки зрѣнія этой азбуки, становится болѣе или менѣе понятнымъ, если принять за реальность фантастическія представленія Ленина о русскомъ либерализмѣ. Либеральная среда Н. Ленина есть среда, характеризующаяся, прежде всего, половинчатостью, мягкотѣлостью и прочими моральными особенностями, столь же лестными, сколь и отвлеченными отъ соціальнаго содержанія, которому въ данной средѣ, какъ и во всякой другой, конечно, быть полагается, о чемъ въ теоріи не безызвѣстно, разумѣется, и Ленину. Морально-ничтожная среда безсильна бороться съ гнетущимъ ее врагомъ. Значитъ, заключаетъ Ленинъ, она отдастся на волю тому, кто поведетъ эту борьбу во главѣ наилучше организованной партіи; значитъ, она потащится въ хвостѣ революціонной соціалдемократіи, ковыляя вслѣдъ ея демократическимъ требованіямъ (хотя бы эти требованія били по щекамъ ея групповую физіономію); значитъ, въ направленіи послѣдовательнаго демократизма у насъ съ ней одинъ путь, и намъ надлежитъ только, считаясь съ ея моральными дефектами, толкать эту среду къ одной общей, нами поставленной, цѣли....

А потому, еще не потрудившись раскрыть общихъ скобокъ „либеральной буржуазіи“, за которыми укрылись разнородные элементы оппозиціоннаго конгломерата, мы „ловимъ всякаго либе-

рала“, въ надеждѣ подвинуть его на аршинъ, „когда онъ собрался подвинуться на вершокъ“.... [1]), быть можетъ, въ сторону отъ линіи нашего общественнаго передвиженія. Непоколебимо вѣря, что „они“ (либералы) „бѣдны“ и „слабы“, въ то время, какъ „мы“ (соціалдемократы) „богаты“ и „сильны“, мы приходимъ въ умиленіе, какъ отъ первыхъ колеблющихся шаговъ начинающаго ходить ребенка, отъ сомнительной программы либеральныхъ реформъ и собираемся пустить эту „программу“ „въ народъ“, дабы эти „бѣдные“ и „слабые“ люди, у которыхъ „такъ мало“ въ настоящее время тамъ связей, могли побольше таковыхъ завязать [2]).

Мы суверенно презираемъ „либеральную буржуазію“ и потому, что презираемъ, избавляемъ себя, пока что, отъ сведенія счетовъ съ ея классовой и групповой подоплекой, прекраснодушно полагая, что либеральная буржуазія позволитъ революціонному пролетаріату сорганизовать себя, дастъ продиктовать ему себѣ

---

[1]) См. статью „Политическая агитація и классовая точка зрѣнія“. „Партія пролетаріата должна умѣть ловить всякаго либерала какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ собрался подвинуться на вершокъ и заставлять его двинуться на аршинъ“.

[2]) См. статью „Письмо къ земцамъ“: „Пошлемъ же привѣтъ новымъ протестантамъ, а, слѣдовательно, и новымъ нашимъ союзникамъ. Поможемъ имъ, вы видите: они бѣдны, они выступаютъ только съ маленькимъ листкомъ, изданнымъ хуже рабочихъ и студенческихъ листковъ. Мы богаты. Опубликуемъ его печатно.... Вы видите: они слабы; у нихъ такъ мало связей въ народѣ (курс. мой), что ихъ письмо ходитъ по рукамъ, точно и въ самомъ дѣлѣ копія съ частнаго письма. Мы— сильны, мы можемъ и должны пустить это письмо „въ народъ“ (курс. мой) и прежде всего въ среду пролетаріата, готоваго къ борьбѣ и начавшаго уже борьбу за свободу всего народа“.

Замѣтимъ, что весь этотъ шумъ былъ поднятъ Ленинымъ по поводу письма „старыхъ земцевъ“, предлагавшаго гласнымъ обсудить въ предстоящую земскую сессію и принять рядъ постановленій по вопросамъ, изъ которыхъ первый же гласилъ: „О пересмотрѣ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ и объ измѣненіи его въ смыслѣ: а) предоставленія одинаковыхъ избирательныхъ правъ всѣмъ группамъ населенія безъ всякихъ сословныхъ различій при условіи значительнаго пониженія имущественнаго избирательнаго ценза“.... другими словами: при условіи сохраненія ценза вообще. Комментаріи излишни!

„положительную программу дѣйствій“ и что „всѣ и всякіе оппозиціонные слои“ сгруппируются единственно для того, чтобы оказать „посильную помощь“ освободительному движенію соціалдемократіи [1]). Мы убѣждены въ покладистости либеральнаго безсилія, и поэтому самому, не смущаясь, протягиваемъ руку предводителямъ россійскаго дворянства [2]), суля имъ на „завтра“ „союзъ“ съ самой неподражаемой наивностью. Мы не прочь поддержать и либеральныя „требованія“: вѣдь они нами же будутъ продиктованы, а на худой конецъ—окажутся только „половинчатыми“ и въ такомъ случаѣ, стало быть, будутъ знаменовать собою тотъ „вершокъ“ движенія, который приблизитъ насъ къ желанному нами „аршину“...

Съ этой мѣшаниной взглядовъ Ленина на среду либерализма

---

[1]) См. „Что дѣлать“ (стр. 64): „О томъ, чтобы наши студенты, наши либералы и пр. сталкивались лицомъ къ лицу съ нашимъ политическимъ режимомъ, позаботятся не только они сами,—объ этомъ прежде всего и больше всего позаботится сама полиція и сами чиновники самодержавнаго правительства. Но „мы“, если мы хотимъ быть передовыми демократами, должны позаботиться о томъ, чтобы наталкивать людей недовольныхъ, собственно, только университетскими или только земскими (курс. мой) и т. п. порядками на мысль о негодности всего политическаго порядка. Мы должны взять на себя задачу организовать такую всестороннюю политическую борьбу подъ руководствомъ нашей партіи, чтобы посильную помощь этой борьбѣ и этой партіи могли оказывать и дѣйствительно стали оказывать всѣ и всякіе оппозиціонные слои (курс. мой). Мы должны вырабатывать изъ практиковъ-соціалдемократовъ такихъ политическихъ вождей, которые бы умѣли руководить всѣми проявленіями этой всесторонней борьбы, умѣли въ нужную минуту „продиктовать положительную программу дѣйствій“ и волнующимся студентамъ, и недовольнымъ земцамъ (курс. мой), и возмущеннымъ сектантамъ, и обиженнымъ народнымъ учителямъ и пр. и пр. См. также статью „Гонители земства и Аннибалы либерализма“ (стр. 97): „Объединеніе либераловъ возможно въ двухъ формахъ: посредствомъ образованія самостоятельной либеральной (нелегальной, разумѣется) партіи и посредствомъ организаціи содѣйствія революціонерамъ (курс. мой).

[2]) Въ своемъ „Внутреннемъ обозрѣніи“ въ № 2—3 „Зари“ онъ заканчиваетъ характеристику двухъ предводительскихъ рѣчей (одна изъ нихъ принадлежитъ Стаховичу) словами: „А предводителямъ дворянства мы скажемъ, прощаясь съ ними: до свиданья, господа завтрашніе наши союзники“ (стр. 403).

тѣсно сплетена и пресловутая теорія хожденія соціалдемократовъ „во всѣ классы“ и та примитивная, съ позволенія сказать, гегемонія, на слегка аракчеевскій ладъ, при которомъ подвѣдомственные оной элементы оппозиціи, съ вытянутыми руками по швамъ, неукоснительно выполняютъ предписанія, идущей церемоніальнымъ маршемъ къ своей цѣли, командующей соціалдемократіи. Съ ними связано и еще кое-что, о чемъ рѣчь будетъ ниже. Сейчасъ лишь отмѣтимъ, что вышеизложенная точка зрѣнія-монстръ прошла достаточно-таки неоцѣненной соціалдемократической критикой,— и это характерный симптомъ пережитой, но нами еще до сихъ поръ не изжитой эпохи,—неоцѣненной во всемъ ея значеніи и объемѣ, а не въ отдѣльныхъ болѣе или менѣе кричащихъ эксцессахъ, неоцѣненной потому, между прочимъ, что и критика исходила изъ нѣкоторыхъ основныхъ положеній, общихъ у критика съ самимъ разбираемымъ монстромъ. Такъ, Рязановъ не мало потрудился въ свое время для того, чтобы перечислить многочисленныя ошибки Ленина. Онъ сдѣлалъ много вѣрныхъ замѣчаній о Ленинской тактикѣ и отношеніи къ либеральной буржазіи, но эти замѣчанія фатально заводили его самого въ тупой переулокъ отрицанія за соціалдемократіей вообще руководящей, верховенствующей роли въ предстоявшей борьбѣ, заводили по той простой причинѣ, что въ его собственной концепціи русскаго либерализма— какъ и у Ленина—не было мѣста такимъ общественнымъ элементамъ, на которые соціалдемократія могла бы оказать когда бы то ни было свое воздѣйствіе въ качествѣ авангарда демократіи. Между нимъ и Ленинымъ разница лишь та, что въ то время какъ одинъ дѣлалъ логически правильные выводы изъ неправильныхъ предпосылокъ, другой на ошибку своего исходнаго положенія нагромождалъ еще ошибки никчемныхъ своихъ заключеній. Если либерализмъ, дѣйствительно, таковъ, какимъ онъ рисуется у Ленина, если для того, чтобы оперировать съ нимъ, приходится обращаться ни къ кому другому, какъ къ господамъ предводителямъ дворянства или къ земцамъ, стоящимъ за цензъ, то, въ такомъ случаѣ, конечно, лучше и разумнѣе выбросить за бортъ партійной программы, какъ негодный балластъ, самую идею гегемоніи и отправить гулять либераловъ на всѣ четыре стороны, вмѣсто того, чтобы съ горя заниматься измышленіемъ прекрасно-

душно-аракчеевской утопіи. Потому что россійскій либерализмъ, отъ котораго отнята его исторически-необходимая часть, его движущій нервъ, его буржуазно-демократическая половина, годенъ развѣ на то, чтобы его бичевали скорпіонами.

2.

Но въ томъ то и дѣло, что либерализмъ нашихъ дней далеко уже не то, чѣмъ былъ его одноименный предшественникъ, блаженной памяти „эпохи великихъ реформъ“ или даже „диктатуры сердца“. Если либерализмъ 60, 70 и начала 80-хъ годовъ былъ par excellence либерализмомъ землевладѣльческихъ группъ и отдѣльныхъ элементовъ бюрократіи, то въ настоящее время подъ старое и лишь слегка реставрированное знамя его собралась уже значительная часть современной буржуазной демократіи. Всякій тотъ, кому за послѣдніе годы приходилось слѣдить за общественной жизнью Россіи, не могъ, безъ сомнѣнія, не замѣтить усиленной демократической тяги къ обнаженной отъ всѣхъ идеологическихъ наслоеній, отъ всякихъ пережитковъ историческаго прошлаго, къ неподкрашенной идеѣ конституціонной свободы. Эта тяга была въ своемъ родѣ реализаціей долгаго процесса молекулярныхъ измѣненій въ средѣ демократіи, ея овидіевыхъ превращеній, заполнявшихъ своей калейдоскопической пестротой вниманіе и интересъ цѣлаго ряда смѣнявшихся поколѣній на протяженіи двухъ десятилѣтій. Какъ сколько-нибудь замѣтная общественная категорія, буржуазная демократія дебютировала впервые примѣрно двадцать лѣтъ тому назадъ, въ эпоху интеллигентскаго разгрома и крѣпчавшей ежечасно реакціи; она дебютировала, выходя изъ своего доисторическаго, а отчасти и революціоннаго „подполья“, и взоръ ея, въ противоположность традиціоннымъ навыкамъ русской интеллигенціи, былъ обращенъ не къ народу непосредственно, а къ достопочтеннымъ „представителямъ“ русской земли. Это былъ первый актъ отмѣченнаго еще Драгомановымъ „хожденія“ демократіи „въ общество и земство“.

Скромный и вначалѣ совершенно не политическій актъ, въ тонъ скромному и совершенно неполитическому времени, съ культомъ малыхъ дѣлъ, съ исканіемъ отрадныхъ явленій въ видѣ ло-

зунговъ. И, однако, за смиренномудрой внѣшностью скрывался моментъ большого потенціально-политическаго содержанія; въ этой уродливой формѣ буржуазная демократія отразила первый лучъ своего самосознанія, въ эту форму она отлила свою увѣренность въ томъ, что ей найдется и находится мѣсто въ процессѣ общественнаго созиданія, что она не отщепенецъ современности, что, наоборотъ, ея дѣятельность, профессіональная дѣятельность растущихъ слоевъ интеллигентной демократіи, довлѣетъ себѣ и общепризнана, какъ цѣнность. Но если такова была субъективная сторона этого акта, то объективная гласила, что усложнившіяся потребности времени, тотъ огромный стихійный процессъ, который исподволь и незамѣтно перекраивалъ патріархальную Россію на капиталистическій ладъ, создавалъ непрестанно увеличивающійся спросъ на трудъ интеллигентной демократіи, умножалъ ряды ея, вызывалъ къ жизни несуществовавшіе до того элементы и неуклонно велъ ихъ къ сближенію съ передовыми слоями имущаго и „созидающаго“ общества. Закрѣплялось это сближеніе общностью тѣхъ, въ своемъ существѣ, элементарныхъ задачъ—удовлетворенія запросовъ культурнаго развитія, которыя приходилось отстаивать отъ враговъ обѣимъ сторонамъ, какъ демократіи, осѣдавшей во всѣхъ наличныхъ общественныхъ организаціяхъ (или вокругъ нихъ группировавшейся), такъ и самимъ организаціямъ, пріобрѣтавшимъ извѣстный налетъ демократичности и расширявшимъ размахъ своей дѣятельности подъ напоромъ этихъ новыхъ элементовъ. Но болѣе десятилѣтія понадобилось на то, чтобы невидная вначалѣ, дѣловая кооперація постепенно пропиталась общественно-политическимъ содержаніемъ и стала кристаллизаціоннымъ ядромъ либерально-демократическаго движенія. Культурникъ начала 90-хъ годовъ, дѣятельный членъ безвременно погибшихъ комитетовъ грамотности, ораторъ (нерѣдко „марксистъ“) ученыхъ засѣданій тѣхъ обществъ, гдѣ даже въ вопросахъ агрономіи и техники звучали нотки общественной оппозиціи, земскій „третій элементъ“, не дающій покоя губернаторамъ, это лишь вѣхи на одномъ и томъ же политическомъ пути, и въ то же время это только наиболѣе рельефныя фигуры изъ единаго либеральнаго пролога. Къ началу настоящаго столѣтія

прологъ исторіи кончается и начинается, какъ будто бы, что-то въ родѣ либеральной исторіи.

Съ небольшимъ черезъ годъ послѣ мартовскихъ дней 1901 года впервые заявила о себѣ такъ назвавшая себя „конституціонная партія“, и либерализмъ новѣйшей формаціи получилъ, наконецъ, свое организованное литературное выраженіе. Правда, до „партіи“ еще было далеко, но уже не подлежало сомнѣнію, что консолидація земскихъ либеральныхъ круговъ и буржуазной демократіи подвинулась на много впередъ: объ этомъ краснорѣчиво говорилъ самый фактъ появленія литературнаго органа, и еще болѣе краснорѣчиво говорило его содержаніе.

„Освобожденіе“, заявившее себя „регистраторомъ земской политической мысли“, рождено, оборудовано, вспоено и вскормлено той самой демократіей, которая пошла въ „либералы“, какъ нѣкогда ходила въ народъ, и какъ еще вчера извѣстная ея часть гуляла въ „марксистахъ“. Но въ этомъ заключалась и причина той двойственности, печать которой лежитъ на всѣхъ номерахъ этого органа отъ первой и до послѣдней страницы. Многолѣтній процессъ сближенія не въ силахъ былъ стереть существеннаго различія въ общественныхъ воззрѣніяхъ сближающихся группъ, продиктованнаго различіемъ ихъ соціальнаго положенія.

Какъ должно совершиться политическое освобожденіе Россіи, съ народомъ или безъ его участія, таковъ былъ проклятый вопросъ, раздѣлявшій союзниковъ и всплывавшій то и дѣло наружу, несмотря на эквилибристическіе таланты бывшаго марксистскаго писателя. Буржуазная демократія рѣшала его иначе, чѣмъ земцы, земцы иначе, чѣмъ буржуазная демократія.

Хотя и повернутая лицомъ къ представителямъ имущаго общества, демократія не могла ограничиться тѣмъ, чтобы показывать спину народу: слишкомъ близка была ея связь съ ея собственными революціонными побѣгами, слишкомъ свѣжи воспоминанія о недавнемъ еще культѣ народа. Она была достаточно „учена“ и научена — и прошлымъ своимъ и своимъ настоящимъ—чтобы не знать, что сознательная или еще лучше полу-стихійная волна народнаго протеста есть незамѣнимое оружіе либеральнаго движенія. Она была, сверхъ того, достаточный скептикъ, чтобы не

бояться перспективъ революціонныхъ идеологій и понимать, что буржуазному міру не грозитъ отсюда никакой внезапной опасности. Она была частью буржуазнаго общества, но — какъ я уже имѣлъ случай говорить (см. выше ст. „О двуликой демократіи")— она была той его частью, которая „не принимала непосредственнаго участія въ эксплуатаціи труда капиталомъ и крестьянина помѣщикомъ", и, какъ таковая, была нарочито воспріимчива, какъ для реформаторства въ сферѣ экономическихъ отношеній, такъ и для политическихъ требованій демократизма. Конечно, въ своемъ оппортунизмѣ (а непремѣнно оппортунистичевъ тотъ общественный слой, который никогда не сознавалъ за собой исторической силы), она стократъ была готова промѣнять демократическую послѣдовательность на минутный успѣхъ сегодняшняго дня; конечно, она пассовала до сихъ поръ всякій разъ, когда выступала на сцену классовая „умѣренность" тѣхъ, кто шелъ съ нею въ союзѣ и былъ хозяиномъ большинства облюбованныхъ ею организацій, но—„интеллигентный" авангардъ идущей за нею вслѣдъ „неинтеллигентной" большой демократіи—она не чувствовала того органическаго антагонизма между собою и народными массами, который такъ отчетливо ощущали ея союзники, и, сомнительный, ненадежный приверженецъ идеи всенароднаго представительства, не была во всякомъ случаѣ этой идеѣ принципіально враждебна.

Зато иную картину представляла собою имущая и, въ частности, земская половина союза. Крѣпко засѣвшая въ своихъ организаціяхъ, она казалась заманчивой архимедовой точкой, опираясь на которую рычагъ демократической агитаціи могъ бы сдвинуть громаду современнаго режима. И она подлинно была опорой демократіи и дружно работала съ нею вмѣстѣ до тѣхъ поръ, пока дѣло касалось общекультурныхъ задачъ развитія. Но она обнаруживала поразительно ничтожную подвижность во всемъ, что выходило за эти предѣлы, и становилась абсолютно инертной и неподатливой всякій разъ, когда на поверхность всплывалъ вопросъ неприкрытой, откровенной политики: здѣсь она чувствовала себя между молотомъ и наковальней, здѣсь она сознавала себя въ тискахъ промежуточнаго своего положенія. У нея не было достаточно вѣры въ свои собственныя силы,

чтобы рисковать на самостоятельную политику, хотя бы и пользуясь услугами демократическаго союзника, и слишкомъ много классового недовѣрія и классовой непріязни къ народу, чтобы захотѣть, хотя бы и малую долю пути, итти съ нимъ вмѣстѣ, нога въ ногу. Народъ для нея былъ въ лучшемъ случаѣ подходящимъ объектомъ культурной попечительности, но никогда субъектомъ осмысленнаго политическаго дѣйствія, и растущее броженіе массъ рефлектировалось въ ея головѣ, какъ та „общая почва классовыхъ и эгоистическихъ интересовъ", которая не менѣе опасна, чѣмъ самая „близорукая и неумѣлая" самодержавная бюрократія. Инстинктъ привилегированнаго собственника заботливо переводилъ непригляднуую прозу классовыхъ противорѣчій на поэтическій языкъ идеаловъ и общаго блага, онъ смѣло подсказывалъ ей тезисы вродѣ тѣхъ, что дать народу политическія права равносильно скачку въ неизвѣстное, или что слишкомъ рѣшительная демократизація земской избирательной системы означала бы господство толпы, оскверняющей все своимъ невѣжествомъ. И подобныя рѣчи раздавались не въ средѣ тѣхъ земцевъ, которые едва еще успѣли прикрыть въ себѣ „дикаго помѣщика" фиговымъ листкомъ вольномыслія. Нѣтъ, мы слышали эту музыку и отъ московскаго г. Шипова, и отъ саратовскаго г. Львова, и отъ тверского г. Кузьмина-Караваева; мы слышали цѣлый оркестръ „конституціонной партіи" и „группы земскихъ дѣятелей"; мы слышали и слышимъ до сихъ поръ, какъ „рекутъ" на „внутренняго врага" „всякъ золъ глаголъ" разные именитые столпы либеральнаго отечества.

Антинародныя черты „умѣренной" правой половины либеральнаго единенія не подлежали какому бы то ни было сомнѣнію.

Понятны отсюда тѣ трудности, которыя предстояло разрѣшить литературному выраженію этого союза, тому органу, который съ первыхъ же своихъ шаговъ задавался сомнительной похвальности цѣлью—притупить внутреннія противорѣчія союза, усердно ловя равнодѣйствующую неоднороднаго общественнаго мнѣнія. И понятно также, что въ погонѣ за этой равнодѣйствующей, при наличномъ соотношеніи силъ, онъ постоянно дѣлалъ реве-

рансы своей Дульцинеѣ—„умѣренности",—и что за этими реве-
періодически слѣдовали на его столбцахъ вспышки плохо скрытаго чувства накопившагося недовольства демократіи. Изумляться приходится развѣ только долготерпѣнію демократіи, ея политической невзыскательности, тому, наконецъ, что, находясь въ сферѣ ея постояннаго вниманія, органъ г. Струве не продѣлалъ еще больше зигзаговъ въ своемъ курсѣ, чѣмъ онъ ихъ совершилъ въ дѣйствительности.

3.

Но разъ это такъ, разъ подлинно, таковъ былъ оппозиціонный конгломератъ, съ которымъ приходилось имѣть дѣло россійской соціалдемократіи; разъ подлинно, подъ кровомъ и флагомъ либерализма въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ происходило наростаніе демократическихъ элементовъ страны и медленная, но идущая неуклонно впередъ ихъ кристаллизація,—то совершенно ясна была миссія, которая возлагалась историческимъ ходомъ вещей на партію, не безъ нѣкотораго права носящую гордое названіе авангарда демократіи.

Что значило, въ самомъ дѣлѣ, это имя? Оно значило, что соціалдемократія—для даннаго историческаго момента—претендуетъ на роль демократическаго собирательнаго центра, что всѣ группы, организаціи, несформленныя даже теченія, въ которыхъ есть хотя зерно демократизма, тяготѣютъ къ сближенію съ ней во имя очередной задачи и внимательно прислушиваются къ ея лозунгамъ. Оно значило, что соціалдемократія, дѣйствительно, имѣетъ животворящій демократическій лозунгъ, который, какъ маякъ, свѣтитъ въ ночи абсолютизма всѣмъ маленькимъ людямъ Россіи. Оно значило, что подъ гегемоніей сильнѣйшей и единственно послѣдовательной демократической организаціи народная Россія мобилизуется противъ Россіи антинародной, хотя бы и одѣтой въ мундиръ конституціонализма. Оно значило бы, это гордое имя, если бы ему отвѣчало реальное содержаніе въ дѣйствительности, раздѣленіе въ оппозиціонномъ конгломератѣ, раздѣленіе—если можно такъ выразиться—по линіи демокра-

тизма и соотвѣтствующее этому раздѣленію новое сочетаніе общественныхъ силъ.

Вся исторія слагающихся и слагавшихся многіе годы общественныхъ отношеній Россіи, казалось, вопіяла о той силѣ, о томъ классѣ, которые пришли бы „володѣть и княжить", не въ феодальномъ—Ленинскомъ—смыслѣ этого слова, разумѣется, согласно которому гегемонію осуществляютъ агенты разныхъ степеней, организующіе и приводящіе къ присягѣ вассальныхъ земцевъ, студентовъ, статистиковъ и прочихъ всякаго званія людишекъ, а въ томъ единственно-реалистическомъ, по которому партія сознательнаго и борющагося пролетаріата втягиваетъ въ сферу своего вліянія демократію,—какъ самимъ фактомъ своей собственной усложняющейся и развертывающейся дѣятельности, такъ и отвѣчающими этой дѣятельности тактическими пріемами и лозунгами. Втягивать—не значитъ еще ассимилировать, не значитъ сливаться; даже такой могучій, единственный въ мірѣ, организмъ, какъ германская соціалдемократія, оказывался способнымъ до сихъ поръ усвоивать лишь сравнительно незначительные обломки непролетарскихъ и непролетаризирующихся общественныхъ слоевъ; тѣмъ болѣе было бы опрометчиво думать о такой ассимиляціи en masse [1]) нашему молодому движенію. Но тѣмъ болѣе нужна была опредѣленная связь—какъ въ дѣйствіи, такъ и въ цѣли,—которая держала бы буржуазно-демократическіе элементы въ постоянной фактической зависимости отъ организаціи, par excellence долженствующей собою представлять интересы демократическаго развитія.

И эта связь, эта спайка естественно давались тѣмъ minimum'омъ демократизма, который зовется—всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ избирательнымъ правомъ. Естественно, казалось, провозгласить этотъ minimum своимъ и общедемократическимъ лозунгомъ и понести его въ широкія пролетарскія массы, которыхъ, вмѣсто того, пробавляли либеральной расплывчато-консти-

---

[1]) Революціонная (соц.-дем.) разновидность разночинной интеллигенціи—особенно въ настоящее время—только небольшая струйка по сравненію съ общедемократическимъ буржуазнымъ потокомъ.

туціонной формулой—„извѣстной русской поговоркой", бережно храня въ „карманѣ" программы всю серію партійныхъ демократическихъ требованій, съ демократической республикой во главѣ. И, если бы понесли, тогда, конечно, отвѣтный массовый кличъ могъ бы прозвучать призывнымъ набатомъ, обращеннымъ ко всей народной Россіи.

И, однако, мысль соціалдемократіи была до такой степени далека отъ чего бы то ни было подобнаго, что когда моя резолюція на прошлогоднемъ партійномъ съѣздѣ сдѣлала первый шагъ къ признанію этого требованія лозунгомъ партіи тѣмъ, что включила всеобщее избирательное право въ число ультимативныхъ условій, отъ выполненія которыхъ либералами зависитъ возможность совмѣстныхъ съ ними дѣйствій соціалдемократіи, то такой типичный представитель цѣлой полосы нашей партійной исторіи, какъ Ленинъ, нашелъ предъявленіе подобнаго требованія мелочнымъ и неправильнымъ!

Мелочно, изволите ли видѣть, всякій разъ, когда представляется возможность оказать реальное давленіе на оппозиціонныя группы, заставлять ихъ, какъ нѣмцы говорятъ, показывать окраску (Farbe bekennen), преподносить имъ неотразимый реактивъ своего требованія, лакмусову бумажку демократизма, и класть на вѣсы ихъ политическаго разсчета всю цѣнность пролетарскаго содѣйствія. Мелочно пользоваться въ сношеніяхъ съ ними... тѣмъ испытаннымъ орудіемъ, при посредствѣ котораго когда-то Лассаль вывелъ изъ прогрессивнаго плѣна германскихъ рабочихъ и заложилъ фундаментъ великой партіи. А неправильно, де, потому, что „неразумно было бы" временныя соглашенія „объявлять ни въ какомъ случаѣ недопустимыми съ такими либерально-демократическими теченіями, которыя выставляли бы лозунгъ цензовой конституціи, куцой конституціи вообще. Въ сущности, именно сюда подошло бы „теченіе" гг. „освобожденцевъ", но связывать себѣ руки, запрещая напередъ „временныя соглашенія", хотя бы и съ самыми робкими либералами, было бы политической близорукостью, несовмѣстимой съ принципами марксизма" [1]).

---

[1]) См. Ленинъ. „Шагъ впередъ, два шага назадъ", стр. 97 и 98.

Такъ писалъ — лѣта 1904-го — тотъ самый человѣкъ, обычно козыряющій своей непримиримостью, который до сихъ поръ не устаетъ, съ упорствомъ маніака, изловлять повсемѣстно бациллу оппортунизма! Такъ писалъ онъ какъ разъ въ то время, когда идея всенароднаго представительства уже начинала принимать конкретныя очертанія! Но ошибся бы тотъ, кто нашелъ бы этотъ ленинскій взглядъ неожиданнымъ, не вытекающимъ съ логической неизбѣжностью изъ всего его прошлаго. Онъ былъ роковымъ, если угодно, трагическимъ послѣдствіемъ той позиціи, которую Ленинъ занималъ въ отношеніи къ либеральному движенію съ тѣхъ поръ, какъ жизнь заставила его прежнюю алгебру абстрактныхъ положеній (и, пока абстрактныхъ, довольно вѣрныхъ — см. его „Задачи русскихъ соціалдемократовъ") замѣнить ариѳметическими величинами современныхъ общественныхъ отношеній и связанныхъ съ ними тактическихъ вопросовъ. Какъ серьезнаго общественнаго процесса для него не существовало того демократическаго подъема, который очертили мы выше. Все болѣе и болѣе опредѣляющійся обликъ буржуазной демократіи заслонялся отъ него цензовыми фигурами, а отдѣльные интеллигентные слоя и прослойки представлялись простымъ резервуаромъ, безъ самостоятельнаго, общественно-политическаго содержанія, изъ котораго почерпали свои силы самыя разнообразныя направленія. Вотъ почему, хотя либеральная демократія и значилась иногда въ его литературномъ лексиконѣ [1]), но она проваливалась въ тартарары всякій разъ, когда на сцену выступалъ вопросъ партійной политики, когда необходимо было опредѣлить свою тактическую позицію. Вотъ почему для него либерализмъ былъ всегда либерализмомъ цензовыхъ группъ, и въ числѣ его неизмѣнныхъ „союзниковъ" обязательно фигурировали умѣренный земецъ и предводитель россійскаго дворянства, т. е. какъ разъ такіе общественные элементы, которые процессомъ роста соціалдемократическаго движенія должны были все сильнѣе отталкиваться отъ соціалдемократіи — даже въ настоящій періодъ борьбы съ абсолютизмомъ

---

[1]) См., напр., строки, посвященныя ей въ предисловіи ко 2-му изданію его „Задачъ".

(а онъ, мудрецъ, стоялъ все на томъ, что ихъ можно подталкивать!). Что же удивительнаго, что онъ не пошелъ на мою резолюцію: вѣдь она ставила крестъ надъ его „безсмысленными мечтаніями", вѣдь она упраздняла его давнюю idée fixe о „взаимномъ пополненіи" умѣренными земцами и соціалдемократами своей политической дѣятельности. И совершенно понятно, совершенно въ порядкѣ вещей, что ему не было дано уразумѣть и принять той концепціи соціалдемократической гегемоніи, которая легла въ основу этой резолюціи.

Для меня вопросъ о гегемоніи и ея осуществленіи въ борьбѣ за политическое освобожденіе Россіи принималъ конкретныя формы въ вопросѣ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, какъ собирательномъ лозунгѣ и ультимативномъ требованіи; для меня этотъ ультиматумъ соціалдемократіи, обращенный ко всѣмъ, хотя бы въ минимальной степени демократическимъ элементамъ страны, былъ тѣмъ передаточнымъ механизмомъ, при посредствѣ котораго—въ каждый данный моментъ—соціалдемократія могла бы на всякую, желающую войти съ ней въ сношенія, организацію или группу произвести надлежащее давленіе всей тяжестью своей положительной работы, всѣмъ вѣсомъ своихъ пролетарскихъ легіоновъ, при посредствѣ котораго, верша свое пролетарское дѣло, она въ то же время творила бы работу радикализаціи, демократизаціи стремящейся къ свободѣ Россіи.

Инымъ представляется вопросъ для Ленина. „По Ленину", гегемонія осуществляется „хожденіемъ" соціалдемократовъ „во всѣ классы" и „пріобщеніемъ къ соціалдемократической арміи либеральныхъ буржуазныхъ элементовъ (вплоть до земцевъ)", организуемыхъ партіей борющагося пролетаріата, въ какіе-то спеціальные подсобные отряды или вѣрнѣе—„общества для содѣйствія" соціалдемократіи. Звеномъ же между всей этой разномастной толпой служила—по тому же Ленину—„организація дѣйствительно всенародныхъ обличеній правительства" (см. „Что дѣлать"), мыслимая имъ, какъ монопольное владѣніе соціалдемократіи. Жизнь, увы, показала съ тѣхъ поръ, что именно въ данной области либерализму легче и удобнѣе всего эмансипироваться отъ вліянія этой партіи.

Если съ моей точки зрѣнія идея всеобщаго избирательнаго права, или идея всенароднаго представительства должна была стать центральной идеей всей эпохи освобожденія Россіи отъ ярма абсолютизма и практическимъ фокусомъ воздѣйствія соціалдемократіи на всѣ, внѣ ея стоящія, общественныя группировки, то для Ленина она была той технической подробностью, той конкретной деталью, о которой не мѣсто толковать на партійномъ съѣздѣ и относительно которой „во сто разъ раціональнѣе было бы предоставить“ сговориться „центральнымъ учрежденіямъ партіи“ (см. „Шагъ впередъ“, стр. 99). Партійные центры ведутъ переговоры съ своими „контрагентами“, торгуются съ ними и затѣмъ представляютъ результатъ своей сдѣлки, какъ fait accompli, вѣрноподданному партійному народу. Принимая же во вниманіе аутентичное признаніе самого Ленина, что „неразумно было бы объявлять ни въ какомъ случаѣ недопустимыми“ временныя соглашенія съ адептами „куцой конституціи“ („Шагъ впередъ“, стр. 98), можно легко себѣ представить, во что обратилась бы эта торгово-политическая сдѣлка—если бы она производилась по Ленину—и при какомъ, съ позволенія сказать, „пиковомъ интересѣ“ остался бы одураченный, идущій за соціалдемократіей и въ рядахъ ея, россійскій пролетаріатъ. Вѣдь, одна маленькая уступка, одна ничтожная подробность въ системѣ избирательнаго права и милліоны людей выброшены дѣльцами освободительнаго движенія за бортъ той Россіи, которая ждетъ надѣленія себя правами политическаго гражданства.

Все одно къ одному. Одна ленинская ошибка тянула за собою другую и бо́льшую: обычные раціоналистическіе пріемы его мышленія помогли неправильной оцѣнкѣ россійскаго либеральнаго конгломерата лишить реальнаго содержанія концепцію гегемоніи; пустоутробная идея „ассимиляціонной“ гегемоніи свела на нѣтъ идею всеобщаго избирательнаго права; и, наконецъ, отсутствіе какого бы то ни было лозунга привело прямикомъ къ завѣтнымъ берегамъ оппортунизма. Такова была трагикомедія этой въ своемъ родѣ логичной нелогичности. Ленинъ очутился, въ концѣ концовъ, въ положеніи мольеровскаго героя, нимало не подозрѣвавшаго о томъ, что все время упражняется въ прозѣ...

4.

Чтобы, наконецъ, покончить съ Ленинымъ, еще два слова объ его замѣчаніяхъ на мою резолюцію.

Какъ и слѣдовало ожидать, и оба прочихъ ея условія кажутся ему непріемлемыми: либералы на нихъ не пойдутъ. Почему?— Потому, что „не бывало и быть не можетъ такихъ либерально-демократическихъ теченій, которыя бы не выставляли въ своихъ программахъ требованій, идущихъ въ разрѣзъ съ интересами рабочаго класса, и не затемняли его (пролетаріата) сознаніе“. Потому, что „быть либераломъ и становиться рѣшительно на сторону соціалдемократіи (въ борьбѣ съ самодержавной бюрократіей? А. П.) — одно исключаетъ другое“. („Шагъ впередъ“, стр. 98).

Это заявленіе весьма характерное, но столь же невѣрное. Я попросилъ бы, напр., почтеннаго Ленина указать мнѣ на антидемократическія или антипролетарскія требованія (а только о таковыхъ и шла рѣчь въ моей резолюціи) въ программахъ, ну скажемъ, французскихъ радикаловъ (Клемансо и компаніи) или итальянскихъ республиканцевъ. Я попросилъ бы его разъяснить мнѣ, почему отдѣльнымъ фракціямъ бельгійскихъ либераловъ дозволительно было становиться на сторону соціалдемократіи въ борьбѣ за избирательную реформу 90-хъ годовъ, а россійскимъ сего не полагается дѣлать—въ великомъ освободительномъ движеніи [1]).

Но, разумѣется, резолюція имѣла въ виду не „всѣ и всякіе оппозиціонные слои“, она, конечно, мѣтила не въ тѣхъ предводителей дворянства, которые обрѣтаются искони въ монопольномъ владѣніи суроваго Ленина, (см. его внутр. обозр. въ „Зарѣ“), а лишь въ небольшое, либеральное земское меньшинство, находящееся въ сферѣ непосредственнаго вліянія передовыхъ элементовъ

[1]) Даже въ Германіи, гдѣ вырожденіе либерализма достигло наибольшихъ размѣровъ, свободомыслящая группа Барта оказалась вынужденной два года тому назадъ, во время парламентской борьбы изъ-за таможенныхъ пошлинъ, стать на сторону нѣмецкой соціалдемократіи и слѣдовать лозунгамъ Зингера.

буржуазной демократіи. И, конечно, last but not least, она прежде всего исходила изъ того предположенія, что россійская соціалдемократія представляетъ собою, какъ партія рабочихъ массъ, ту реальную, гигантскую силу, съ которой приходится серьезно считаться современному режиму и которую одну приходится принимать въ разсчетъ „всѣмъ и всякимъ“ организаціямъ и группамъ. И только въ этомъ послѣднемъ случаѣ, если справедливо это исходное положеніе, если дѣйствительно соціалдемократія являетъ собою правильно функціонирующій партійный организмъ, найдется достаточное число охотниковъ изъ среды оппозиціоннаго конгломерата стать „на сторону“ соціалдемократіи.

На этомъ мы можемъ разстаться, пока что, съ злоключеніями Ленина. Но, разставаясь, мы оказываемся опять стоящими передъ тѣмъ же проклятымъ вопросомъ, что и въ началѣ нашей статьи. Не былъ же Ленинъ, въ самомъ дѣлѣ, какимъ-то уродомъ въ средѣ россійской революціонной соціалдемократіи? Вѣдь то, что онъ писалъ, покрывала въ значительной мѣрѣ собой, какъ малая коллективность—редакція, такъ и большая—соціалдемократическая партія. Если одна, игнорируя, молчала, то другая—подымала на щитъ его „несосвѣтимыя глупости“.

И, несомнѣнно, ленинскія „глупости“ не индивидуальнаго только происхожденія, а и характерный симптомъ того недуга, которымъ болѣла и болѣетъ до сихъ поръ россійская соціалдемократія. Этотъ недугъ поражаетъ ея волю и помрачаетъ сознаніе.

1904 г.